

Б.Ф. ПОРШНЕВ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ ФЕОДАЛИЗМА

И.С. Филиппов

Борис Федорович Поршнев был человеком на редкость разнообразных исследовательских интересов. Он занимался историей международных отношений, абсолютистским государством и народными движениями XVII в., историей социалистических идей, социальной психологией, политической экономией феодализма, теорией исторического процесса, проблемой происхождения человека...¹. Люди, знакомые с его исследованиями в одной области знания, зачастую даже не подозревают, что он активно работал и в других, или имеют об этом лишь смутное представление, невольно перенося свои оценки известных им работ Поршнева на другие его сочинения и, как правило, не обладая надлежащей квалификацией для их понимания и оценки.

Подавляющее большинство сходится, тем не менее, в том, что исследования Поршнева отличаются смелостью и новаторством. Далеко не все согласны с его идеями, но мало кто сомневается в их оригинальности, причем в ту эпоху, когда эти идеи выдвигались, их оригинальность была, естественно, особенно очевидна и порой шокировала современников. Разительное исключение составляют его книги и статьи по политической экономии феодализма, которые не только сегодня, но и в момент их публикации воспринимались многими как вполне догматические и тривиальные, при этом претенциозные и опасные для гуманитарной науки. Без сомнения, это не самое интересное из того, что Поршнев написал. Но забывать об этих работах не следует. В них наиболее полно воплотились его мысли о прошлом. Кроме того, они имели очень широкий резонанс в СССР и, парадоксальным образом, до сих пор оказывают воздействие на представления о феодализме, бытующие в российской историографии. Однако – и это тоже парадокс – данный факт плохо известен и почти никак не осмыслен.

Речь идет, по большому счету, о трех текстах: статье «Об основном экономическом законе феодализма» (1953) и двух книгах: «Очерк политической экономии феодализма» (1956) и «Феодализм и

Игорь Святославович Филиппов, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Средних веков исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

¹ Наиболее полный список трудов Б.Ф. Поршнева опубликован в только что вышедшем, стараниями и под общей редакцией О.Т. Вите, переиздании его книги «О начале человеческой истории». СПб., 2006. С. 496–520.

народные массы» (1964). Сохранилась также рукопись большой его работы о торговом капитале в докапиталистических обществах и набросок книги о докапиталистических формациях в целом². Но эти тексты остались незавершенными, неопубликованными и потому не оказали влияния на историографию. Сосредоточимся поэтому, прежде всего, на трех упомянутых работах.

В историографическом плане наибольшее значение имела статья 1953 г. Во-первых, именно она знаменовала поворот Поршнева к политэкономическим сюжетам. Интерес к ним он проявлял и раньше, о чем говорит, в частности, его рецензия на книгу В.В. Рейхардта³. Но и монография о народных восстаниях, и другие его работы сталинского периода убеждают в том, что тогда Поршнева привлекали совсем другие идеи, прежде всего идея классово-борьбы как доминанты исторического процесса. Статья 1953 г. определила и проблематику, и основные положения, и тональность более поздних публикаций Поршнева на эту тему. Во-вторых, именно в 1953–1956 гг., при активнейшем участии Поршнева, сформировались основные представления советских обществоведов о феодализме, с небольшими изменениями дожившие, по крайней мере, до 90-х годов прошлого века.

Сначала об историческом и историографическом контексте, в котором эта статья появилась.

Не будет преувеличением сказать, что до начала 1950-х годов политэкономика существовала в СССР на периферии идеологии. Конечно, считалось необходимым штудировать «Капитал» или его изложения, но, мало того, что это было по силам лишь немногим, речь в этом случае шла об изучении капитализма, и только капитализма. Предполагалось, что советская экономика функционирует на совсем других принципах, прежде всего на принципе революционной целесообразности, т. е., если называть вещи своими именами, управляется волевыми решениями партии и правительства. Как известно, советская экономика того времени характеризовалась намеренными систематическими нарушениями межотраслевого баланса, недофинансированием воспроизводства основных фондов, заниженной заработной платой и другими отклонениями от нормального хозяйствования. Все это позволяло достаточно долго вкладывать огромные средства в создание новых предприятий и поддерживать высокие темпы экономического роста; катастрофические последствия такой политики были не за горами, но в сталинскую эпоху давали о себе знать еще достаточно слабо. В этих условиях говорить о каких-то закономерностях социалистической

² Хранятся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ), соответственно: Ф. 684. Картон 19. Ед. хр. 4 и Ед. хр. 1.

³ Поршнев Б.Ф. Рецидив абстрактного социологизирования [Рейхардт В.В. Очерки по экономике докапиталистических формаций. М., Л., 1934] // Книга и пролетарская революция. 1935. № 3. С. 26–29.

экономики было, безусловно, неуместно. Лишь в 1941 г. было мимоходом признано, что закон стоимости действует и при социализме. В целом же считалось аксиомой, что экономические понятия капитализма и социализма принципиально отличны⁴.

Такое положение вещей ставило историков докапиталистических обществ в трудное положение. С одной стороны, они понемногу привыкали оперировать марксистскими категориями (правильно ли понятиями, это другой вопрос), апелляция к трудам «классиков марксизма-ленинизма» становилась все более естественной и обязательной, соответствующим образом менялась и сама проблематика исследований. Однако сколько-нибудь целостной марксистской концепции античного или феодального общества не существовало, и построение ее из достаточно разрозненных высказываний классиков (прежде всего, из двух глав «Капитала» – о первоначальном накоплении и о формах ренты, а также из работы Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства») наталкивалось на серьезные препятствия, в т. ч. и чисто методологические. Одно из главных затруднений заключалось в том, применимы ли экономические категории, используемые в «Капитале», для изучения докапиталистических обществ. Другое, более общее, было связано с сомнением в самой возможности создания политической экономии тех обществ, которые функционировали на нерыночной по преимуществу основе. Многие теоретики, например Н.И. Бухарин, считали таковую невозможной⁵. Реалии советской экономики, управлявшейся планово-волевыми методами, и их идеологическое объяснение лишь укрепляли в этом сомнении.

Неудивительно, что в такой ситуации большинство исследований докапиталистических обществ было посвящено анализу не социально-экономического развития, а классовой борьбы. К этому призывала господствующая идеология⁶, к этому же побуждало и самостоятельное осмысление советской действительности, являвшейся следствием самого значительного за всю историю классового конфликта – Октябрьской революции. Именно классовая борьба стала доминантой советских исторических исследований, предпринятых в 30-е и 40-е годы, и Поршнев был одним из главных апологетов такого подхода.

Позднее он вспоминал, что идея заняться народными восстаниями во Франции XVII в. возникла у него в начале 30-х годов, когда он читал мемуары кардинала Ретца – видного фрондера, упомянувшего мимоходом

⁴ Певзнер Я.А. Дискуссионные вопросы политической экономии. М., 1987; Из истории политической экономии в СССР (30–50-е годы) / Под ред. Г.Г. Богомазова. Л., 1988; Маневич В.Е. Сталинизм и политическая экономия // Репрессированная наука. М., 1991. С. 181–198.

⁵ См.: Маневич В.Е. Экономические дискуссии 20-х годов. М., 1989.

⁶ Краткий курс истории ВКП(б). М., 1938. С. 120: «Классовая борьба между эксплуататорами и эксплуатируемыми составляет основную черту феодального строя».

«о каких-то народных волнениях накануне Фронды. Эта маленькая искра не могла не воспламенить моего внимания. Чем труднее было найти материалы и факты, тем сильнее становилось упорство»⁷. Об этих восстаниях было, конечно, давно известно, но Поршневу прав в том, что ни в России, ни во Франции ими никто толком не занимался. Однако более важно в этом высказывании другое. Из всего богатства сведений, содержащихся в воспоминаниях кардинала Ретца, Поршневу привлекли именно сведения о народных восстаниях. Новые восстания, о которых «никто» не знал! Он сделал свой выбор и не прогадал.

Карьера его развивалась стремительно. В 1938 г – кандидат наук, в 1940 г., когда ему было всего 34 года, – доктор. Война, конечно, смесала все карты, но уже осенью 1943 г., вернувшись из Казани, где он находился в эвакуации, Поршневу становится профессором кафедры истории средних веков Истфака МГУ и, одновременно, старшим научным сотрудником Института истории АН СССР. В 1947 г. он возглавил кафедру новой и новейшей истории, правда, ненадолго – уже в 1948 г. его сменил А.С. Иерусалимский⁸. В 1948 г. вышла монография Поршнева «Народные восстания во Франции перед Фрондой»⁹, удостоенная в 1950 г. Сталинской премии. В эти годы, стремясь закрепить на достигнутых позициях, он публикует одну за другой совершенно невозможные и по тону, и по содержанию статьи о классовой борьбе в истории, внося попутно немалый вклад в безудержное восхваление гениальных идей Сталина¹⁰. Одновременно он довольно лихо критиковал коллег, в т. ч. Е.А. Косминского, которому досталось за «экономический материализм» и недооценку роли классовой борьбы.

Казалось, все идет хорошо. Но Поршневу не учел, что режим не жаловал слишком благополучных людей, предпочитая их время от времени одергивать и осаживать. Коллеги тоже не были в восторге ни от того, что писал Поршневу, ни от того, какими методами он продвигал свои идеи и, вообще, делал карьеру. Многие наверняка не могли простить ему, что в марте 1949 г. на Ученом совете Истфака МГУ он

⁷ Поршневу Б.Ф. Как я работал в СССР над книгой по истории Франции XVII в. // Европа. Вып. 3. Тюмень, 2003. С. 195.

⁸ В обстоятельствах этой замены еще предстоит разобраться. Известно, что в первые послевоенные годы заведующие на этой кафедре менялись часто. Отмечу попутно другой важный факт: с 1947 г. Поршневу преподавал только на этой кафедре и уже не имел отношения к кафедре истории средних веков.

⁹ Поршневу Б.Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623–1649). М.; Л., 1948.

¹⁰ Поршневу Б.Ф. Современный этап марксистско-ленинского учения о роли масс в буржуазных революциях // Известия АН СССР. Серия истории и философии. М., 1948. Т. 5. № 6. С. 473–488; *Он же*. История Средних веков и указание товарища Сталина об «основной черте» феодального общества // Там же. 1949. Т. 6. № 6. С. 521–537; *Он же*. Формы и пути крестьянской борьбы против феодальной эксплуатации // Там же, 1950. Т. 7. № 3. С. 205–221; *Он же*. Сущность феодального государства // Там же. 1950. Т. 7. № 5. С. 418–444.

принял активное участие в осуждении А.И. Неусыхина и некоторых других сотрудников кафедры истории средних веков в буржуазном объективизме и космополитизме¹¹. Критика снизу не заставила себя ждать. Его обвинили, не больше не меньше, в искажении марксистской теории классовой борьбы, в отрыве ее от социально-экономической истории. Поршнев не сдавался, развернула себя бурная полемика; ее перипетии подробно описаны в недавней книге Кондратьевых¹², некоторые дополнительные факты содержатся в очерках О.Т. Вите¹³. Публикации не позволяют в полной мере восстановить ход, тем более хронологию событий. Многие критики Поршнева, например Н.А. Сидорова, вообще не высказались по этому поводу в печати, другие сделали это с большим опозданием. Ожесточенность полемики, в ходе которой стороны не гнушались навешиванием политических ярлыков (сам Поршнев, хотя и не был членом ВКП(б), чаще всего обвинял своих оппонентов в меньшевизме, его же сравнивали с эсерами, троцкистами, объявляли находкой для англо-американского империализма) и доносами в партийные верхи, была в какой-то мере обусловлена и личной антипатией.

Так, ленинградский историк В.В. Бирюкович, также специалист по истории Франции XVII в., по мнению многих, лучше знавший предмет, но не сумевший завершить работу над докторской диссертацией, наверняка чувствовал себя обойденным. Однако вовсе не лучшее знание французской истории, а именно разбор идеологических перекосов, допущенных Поршневым, составляет предмет написанной Бирюковичем разгромной статьи в «Вопросах истории»¹⁴. Тональность этой статьи мало чем отличается от тональности статей Поршнева; слабым оправданием автору служит лишь то, что «не он первым начал». Ответ Косминского был более достойным, но не менее категоричным¹⁵. И все же, хотя личностный фактор в таких делах сбрасывать со счетов не стоит, было бы неправильно сводить все к выяснению отношений людьми, не поделившими научную территорию. Борьба шла, прежде всего,

¹¹ См.: *Стишов М.* На историческом факультете МГУ // ВИ. 1949. № С. 154–158. Неусыхину Поршнев вменял в вину, в частности, игнорирование сталинской идеи о революции рабов и колонатов.

¹² *Кондратьев С., Кондратьева Т.* Наука «убеждать», или Споры советских историков о французском абсолютизме и классовой борьбе (20-е – начало 50-х гг. XX века). Тюмень, 2003. С. 182–240. См. также их статью в данном выпуске ФЕ.

¹³ *Вите О.Т.* Б.Ф. Поршнев: Опыт создания синтетической науки об общественном человеке и человеческом обществе // Политика, 1998. № 3. С. 115–163; *Он же.* Борис Федорович Поршнев и его критика человеческой истории // ФЕ 2005. М., 2005. С. 4–32; *Он же.* «Я – счастливый человек». Книга «О начале человеческой истории и ее место в творческой биографии Б.Ф. Поршнева // Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. 2-е изд. СПб., 2006. С. 576–706. См. также: *Вите О.Т., Гордон А.В.* Борис Федорович Поршнев (1905–1972) // НиНИ. 2006. № 1. С. 181–200.

¹⁴ *Бирюкович В.В.* О некоторых вопросах развития феодального общества // ВИ. 1952. № 2. С. 30–46.

¹⁵ *Косминский Е.А.* О проблеме классовой борьбы в эпоху феодализма // Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1951. Т. 8. № 3. С. 237–255.

вокруг идей, выдвинутых Поршневым, но, конечно, не только им¹⁶. Не будет преувеличением сказать, что это была борьба за само понимание истории, за ее сохранение как научной дисциплины. Есть ли у нее другое значимое содержание, кроме классовой борьбы? Нужно ли вообще изучать (и добывать!) исторические факты или же достаточно оперировать социологическими схемами?

Борьба шла с переменным успехом. Подавляющее большинство историков не приняли гипертрофированную апологию классовой борьбы, на которой настаивал Поршнев, и отвергли его претензии на лидерство в научном цехе. Согласно отчету о четырех расширенных по составу заседаниях сектора истории средних веков Института истории АН СССР, прошедших в январе 1951 г. (на каждом заседании присутствовало от 100 до 200 человек, из них 22 выступили), почти все участники обсуждения, отмечая важность поднятых авторов проблем и насущную необходимость изучения истории классовой борьбы, указывали как на теоретические ошибки Поршнева, так и на пренебрежение им конкретными фактами истории. Однако его поддержали некоторые влиятельные философы из числа специалистов по истмату, например Т.И. Ойзерман¹⁷, имевшие хорошие связи в партийных верхах. Можно предположить, что определенную роль сыграла и подчеркнутая ортодоксальность суждений Поршнева, наверняка импонировавшая идеологическим властям. Так или иначе, но в течение нескольких лет имела место фактически ничья. Так, в передовой, а потому особенно авторитетной, статье «Значение трудов И.В. Сталина по вопросам языкознания для советской исторической науки», опубликованной в июле 1951 г. в «Вопросах истории», досталось как Поршневу (за ошибки «субъективистского, идеалистического характера» и «путаницу в вопросах теории»), так и тем, более многочисленным авторам, которые грешат «недооценкой роли классовой борьбы как важнейшего двигателя истории»¹⁸. Расценив эту ситуацию в свою пользу, Поршнев в августе 1951 г. обратился за поддержкой в ЦК ВКП(б) и лично к Сталину, направив ему рукопись своей новой книги «Роль борьбы народных масс в истории феодального общества»¹⁹.

Такие обращения были небезопасны, но, в случае успеха, сулили огромный выигрыш. Известен казус грузинского лингвиста А.С. Чикобава, чье письмо к Сталину по поводу засилья в науке последователей

¹⁶ См., например: *Гюрджан Н.Н.* Теоретические конференции по проблеме феодальной собственности // *ВИ.* 1953. № 4. С. 134–138.

¹⁷ *Москаленко Д. В.* Институте истории АН СССР. Обсуждение статей Б.Ф. Поршнева // *ВИ.* 1951. № 6. С. 138–143. Вопреки мнению О.Т. Вите, Е.А. Косминский и философ Ф.В. Константинова, судя по этому отчету, выступили в том же ключе, что и большинство участников обсуждения, просто их выступления были более академичными по тону.

¹⁸ *ВИ.* 1951, № 6. С. 4.

¹⁹ ОР РГБ. Фонд 684. Картон 21. Ед. хр. 1.

Марра и несостоятельности его теории привело к публикации знаменитой статьи Сталина «Марксизм и языкознание» и к полной смене вех в советской лингвистике. Подобное обращение «наверх» спасло от расправы и известного советского экономиста Я.А. Певзнера. Но Поршневу не повезло: посланные им в ЦК материалы были спущены вниз, на рассмотрение коллег; историки – В.В. Бирюкович, С.Д. Сказкин и Л.В. Черепнин – дали отрицательные отзывы, философ Г.Е. Глазерман – в целом, положительный. «По просьбе автора», в декабре 1951 г. рукопись была возвращена ему на доработку, и все вернулось на круги своя.

Ситуация кардинально изменилась в 1952 г., когда, сначала в виде статей в «Правде», а в сентябре – в виде отдельной брошюры, вышел последний труд Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». В научном отношении он был, конечно, несостоятельным и имел очень сомнительное отношение к марксизму. Советским историкам и экономистам он сулил новый идеологический кошмар, отвлекая от подлинно научной работы и обрекая на новый виток схоластического цитирования. Но, парадоксальным образом, в тех условиях брошюра Сталина сыграла и положительную роль, поскольку в ней практически впервые говорилось о неких закономерностях развития социалистической экономики, тогда как ранее предполагалось, что все в руках государства и его плановых органов, что при социализме экономическое развитие определяется политической волей правящей партии²⁰. Одновременно брошюра дала в руки замученных советских гуманитариев сильное догматическое оружие против гипертрофии идеи классовой борьбы как единственного заслуживающего внимания двигателя исторического процесса. Во всяком случае, появилась возможность, апеллируя к авторитету вождя, заняться социально-экономической историей. Для Поршнева, сделавшего себе имя на изучении и апологии классовой борьбы, это было неожиданностью.

Новой идеологической ситуацией не преминули воспользоваться его противники, в частности Сидорова, сделавшая ему партийное внушение о недопустимости игнорирования экономической проблематики. Рядовые медиевисты также восприняли эту смену вех с радостью и торжеством. В устных анналах Истфака МГУ сохранился рассказ о том, как после выхода в свет брошюры Сталина, Е.В. Гутнова, выступавшая против Поршнева и ранее, сказала ему на каком-то заседании: «Вот Вы, Борис Федорович, все говорите: классовая борьба, классовая борьба... А товарищ Сталин учит нас, что главное – это экономика, экономические законы». Сконфуженный Поршнев только кивал. Студентам она

²⁰ Во многом это было, конечно, именно так, особенно в годы первых пятилеток и еще больше – во время войны, что и зафиксировал Н.А. Вознесенский в своей книге «Военная экономика СССР в период Отечественной войны» (1947). Но к 1952 г., когда возник спрос на солидность, стабильность и автоматическое воспроизводство существующего положения вещей, этот тезис стал для идеологии неприемлемым.

говорила, что он склонен видеть проявление классовой борьбы в любой кабацкой пьяной склоке. О том же Гутнова пишет и в своих мемуарах, но, к сожалению, приглаженно и не приводя подробностей²¹.

В начале 1953 г. Поршнев подвергся критике в передовой статье журнала «Коммунист», где, в частности, отмечалось, что «критикуя проявления «экономического материализма» в работах Косминского, Поршнев сам допускает ошибки идеалистического характера, отрывает классовую борьбу от развития производительных сил и производственных отношений. В его изложении получается, что не развитие феодального способа производства порождает и обуславливает соответствующие формы классовой борьбы, а, наоборот, крестьяне своей борьбой якобы создали и развили крепостническую форму эксплуатации, феодалы же пытались ее разрушить, вернуться к рабовладельческому строю»²². В передовице разбирались ошибки и других авторов, не только заблуждающихся товарищей, но и расстрелянного незадолго перед этим как врага народа Н.А. Вознесенского, попутно упоминались врачи-вредители и агенты американской разведки. В этой ситуации Поршнев пошел на попятную и опубликовал покаянное письмо в «Вопросах истории»²³. Вот несколько выдержек из этого письма.

«Я дал полное объективное основание читателям обвинить меня в том, что рассматриваю классовую борьбу как беспричинное явление, которое само служит первопричиной всех общественных явлений».

«Я считаю, что эта ошибка является не методической, а методологической, серьезной теоретической ошибкой»²⁴.

«Все эти и другие ошибки свидетельствуют о недостаточном овладении марксистско-ленинской теорией. Я вижу свой долг советского историка в том, чтобы, учась на трудах товарища Сталина, учась принимать принципиальную критику, как бы сурова и резка она ни была, во что бы то ни стало преодолеть свои ошибки идеалистического характера, до конца осознать их и исправить»²⁵.

«Своей гениальной разработкой вопроса о роли товарного производства в разных общественных формациях товарищ Сталин оказал величайшую помощь историкам феодальной эпохи, помог им бороться с... неклассовым пониманием феодальной экономики».

«Труд товарища Сталина... вооружает нашу науку для борьбы на два фронта, с двумя опасностями. С одной стороны, он вооружает нас на борьбу с субъективизмом и волонтаризмом, то есть с отрицанием роли объективных экономических законов в жизни общества... С другой стороны, труд товарища Сталина вооружает нас на борьбу с

²¹ Гутнова Е.В. Пережитое. М., 2001. С. 266–268.

²² За воинствующий материализм в общественной науке // Коммунист. 1953. № 2. С. 10.

²³ Поршнев Б.Ф. Письмо в редакцию // ВИ. 1953. № 4. С. 139–142.

²⁴ Там же. С. 139.

²⁵ Там же. С. 142.

фаталистическими представлениями о стихийном развитии экономики помимо людей, помимо их активной борьбы за использование экономических законов, помимо борьбы отживающих и передовых общественных сил»²⁶.

«В настоящее время я заканчиваю работу над теоретической книгой о феодальной эпохе, которую я постарался написать, следуя во всем по мере сил указаниям и мыслям нашего великого учителя И.В. Сталина. Я положил в основу этой работы изучение и глубокое продумывание нового гениального труда И.В. Сталина»²⁷.

Совершив ритуальное покаяние (в котором, однако, уже слышатся нотки подготавливаемого реванша) и доказав таким образом и умение играть по правилам, и благонадежность, Поршнев вскоре перешел в наступление. Всего лишь два месяца спустя, в июне 1953 г. «Вопросы истории» публикуют его статью «Об основном экономическом законе феодализма», ставшую поворотным моментом в его творчестве.

Поршнев оттолкнулся от мысли Сталина о том, что каждой общественной формации присущ некий главный экономический закон, определяющий ее развитие²⁸. Сталин, пишет он, «обосновал понятие основного экономического закона, выделяемого среди всех других законов данной формации, и показал его гигантское значение для понимания явлений общественной жизни»²⁹. Строго говоря, Сталин писал о законе социалистической формации, «существенные черты и требования» которого он формулировал так: «обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники»³⁰. Но для Поршнева важно было само признание того, что экономические закономерности присущи не только капитализму. Кроме того, открывалась возможность первым, или хотя бы в числе первых, отреагировать на новые гениальные мысли Сталина (можно не сомневаться, что это все равно кто-то бы сделал), применить их к знакомому материалу и снова перехватить инициативу в профессиональном цеху, казалось, безвозвратно утерянную после разгромных пассажей в «Коммунисте».

Какой же экономический закон является основным для феодализма? Таковым не может быть, как думают некоторые, «закон натурального хозяйства» – ведь натуральное хозяйство свойственно не только феодализму. Таковым не может быть, как полагают некоторые другие, также не названные им авторы, и «закон внеэкономического

²⁶ Там же. С. 140.

²⁷ Там же. С. 142.

²⁸ Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952. С. 87–88.

²⁹ Поршнев Б.Ф. Об основном экономическом законе феодализма // ВИ. 1953. № 6. С. 52.

³⁰ Сталин И.В. Экономические проблемы... С. 95.

принуждения»³¹ – ведь «не внеэкономическое принуждение, а феодальная собственность на землю является основой феодализма»³². «Феодализм – это система эксплуатации крепостных крестьян землевладельцами-феодалами»³³, и «целью феодального производства являлось производство феодальной ренты»³⁴, норма которой, согласно Поршневу, неуклонно возрастает³⁵. «Для феодализма основным экономическим законом в наиболее общей форме является закон феодальной ренты... В законе феодальной ренты, как в едином фокусе, отражены все производственные отношения феодализма: феодальная форма собственности на средства производства, положение и взаимоотношения социальных групп в производстве, форма распределения продуктов»³⁶.

Примечательно, что себе Поршневу приписывает не открытие, а только формулирование этого закона. «Закон феодальной ренты и смежны ее форм, – читаем мы чуть ниже, – открытый Марксом в 47-й главе третьего тома “Капитала”, служит единственным подлинно научным основанием для изучения феодальной эпохи»³⁷. Маркс, наверное, был бы сильно удивлен... Но и сегодня, воспроизводя мимоходом идеологию 1953 г., некоторые наши обществоведы объявляют автором «закона земельной ренты» Маркса³⁸.

Попутно Поршневу приводит основные сталинские положения о феодализме, не оставляя сомнения в том, что их разделяет: о форме собственности на средства производства как «самом глубоком» из экономических отношений, определяющее остальные³⁹; о «монополии феодалов на землю»⁴⁰; о неполной собственности феодала на работника, которого он уже не может убить, но может продать⁴¹...

В этой статье много загадочного. Кажется невероятным, чтобы человек его калибра мог воспламениться от примитивной и демагогической брошюры Сталина, чтобы эта статья действительно побудила его заняться политической экономией феодализма. Однако ни один из его более ранних текстов, опубликованных или оставшихся в рукописи (исключая упомянутую рецензию 1935 г. на книгу Рейхардта), не свидетельствует, что эта проблематика прежде интересовала Поршневу, тем более что у него были по ней сколь-нибудь серьезные наработки.

³¹ Поршневу Б.Ф. Об основном экономическом законе феодализма. С. 55.

³² Там же. С. 57.

³³ Там же. С. 57.

³⁴ Там же. С. 60.

³⁵ Там же. С. 61.

³⁶ Там же. С. 57.

³⁷ Там же. С. 67.

³⁸ См., например: Добренков В.И., Кравченко А.И. История зарубежной социологии. Формационная теория К. Маркса. М., 2004.

³⁹ Поршневу Б.Ф. Об основном экономическом законе феодализма. С. 58.

⁴⁰ Там же. С. 62.

⁴¹ Там же. С. 59.

То немногое, что он писал на эту тему до 1953 г., представляло собой либо азбучные истины (формы ренты, отличие натурального хозяйства от товарного и т. д.), либо совершенно безграмотные утверждения, например, о том, что при феодализме воспроизводство средств производства осуществляется из необходимого продукта крестьянина⁴²; этого тезиса он держался и в дальнейшем, о чем речь еще впереди. Между тем статья 1953 г., несмотря на ее идеологическую зашоренность и повторение ряда абсурдных сталинских формулировок, обнаруживает достаточно глубокое проникновение в предмет и системность подхода. Приходится выбирать между одним из двух предположений: либо Поршнев хорошо разбирался в этих вопросах и раньше (тогда его построения 1948–1952 гг. о классовой борьбе как главном содержании истории оказываются полностью фарисейскими и созданными с заведомо недобросовестными намерениями), либо эта статья оказывается результатом фантастической по объему работы, проделанной с осени 1952 по весну 1953 г. Второе предположение ставит под сомнение его эрудицию и саму адекватность: остаться безразличным к трудам Маркса и загореться от брошюры Сталина – это все же надо суметь!

Поршнев был, бесспорно, умным и образованным человеком, он обладал способностью и к анализу, и синтезу, а также научной интуицией, позволявшей ему иногда угадывать в скупых и невнятных сообщениях источников важные факты и закономерности. Однако он был очень мало подготовлен для написания обобщающих работ по политической экономии феодализма.

Во-первых, хотя сам Поршнев считал себя специалистом по «срединной формации» и удачно позиционировал себя в этом качестве, в действительности, он никогда не занимался историей феодализма профессионально. Во всяком случае, у него нет ни одной исследовательской публикации по истории Средних веков, его общие работы также не обнаруживают сколь-нибудь основательного знакомства с источниками и литературой по этой эпохе.

Конечно, «Средние века» и «феодализм» – понятия не вполне тождественные. Начальный этап истории Средневековья не знает подлинно феодальных институтов и общественных отношений; напротив, они сохранялись в том или ином виде достаточно долго и после завершения средневековой эпохи, как бы ни датировать ее окончание. При жизни Поршнева в советской историографии считалось аксиомой, что Средние века заканчиваются Тридцатилетней войной, Английской революцией и Фрондой, т. е. теми самыми событиями, изучением которых он так активно занимался. Согласно альтернативной точке зрения, история

⁴² *Поршнев Б.Ф.* История Средних веков и указание товарища Сталина об «основной черте» феодального общества // Известия АН СССР. Серия истории и философии. М., 1949. Т. 6. № 6. С. 528–529.

Средних веков и вовсе длилась до Французской революции⁴³. Представление о «ранней новой истории» (XVI–XVIII вв.), характерное для современной российской историографии, считалось буржуазным и ненаучным. Поэтому мало кто в СССР сомневался, что моделирование феодальных общественных отношений на материале XVII в., в целом, оправдано⁴⁴. В этой позиции укрепляла и привычка рассматривать феодальный мир через призму представлений и высказываний Ленина о пореформенной России, в которой, разумеется, различимы лишь отдельные элементы феодальных отношений – конечно, в марксистском понимании этого термина⁴⁵. Не менее очевидно, что для Западной Европы XVII в. – это время успешного развития капитализма, поэтому моделирование феодализма с опорой на материал этой эпохи было занятием по меньшей мере спорным и чреватых серьезными ошибками⁴⁶.

Во-вторых, Поршневу никогда профессионально не занимался ни экономической, ни правовой, ни социальной историей. Его стихией была история политическая, притом событийная (а не история политических институтов), в меньшей мере – история общественной мысли. Ни монография о народных восстаниях перед Фрондой, ни его работы по политэкономии не обнаруживают интереса к истории производительных сил, экономической конъюнктуры, денежного обращения, кредита, государственного регулирования экономики, равно как к многосложной социальной структуре феодального общества, его правовым институтам, понятиям и представлениям. По большому счету, в политэкономии Поршнева интересовал только один, правда, очень важный аспект – эксплуатация зависимого крестьянства, ее масштабы, формы и методы, причем и в этом случае он был достаточно безразличен к стадийным, географическим и иным исторически конкретным вариантам этого явления и ограничивался «общей картиной». Не сомневаюсь, что он достаточно много читал о феодальной экономике (в конце концов, многие из его коллег занимались именно этим вопросом), как и по истории Средних веков, в целом, но его собственные работы говорят о том, что все эти «нюансы» были ему мало интересны.

⁴³ История средних веков. Под. ред. А.Д. Удальцова, Е.А. Косминского, О.Л. Вайнштейна. В 2-х томах. М., 1938–1939.

⁴⁴ В частности, это мнение разделял Сказкин, сам бывший специалистом по новой истории, что не мешало ему длительное время возглавлять корпорацию советских медиевистов.

⁴⁵ Наиболее наглядно это проявилось в работе: *Сапрыкин Ю.М.* Основные проблемы феодального общества в трудах В.И. Ленина. Учебно-методическое пособие. М., 1977. Вышло 4 издания, последнее – в 1986 г.

⁴⁶ Об этом в свое время четко написал Полянский: «Моделировать феодализм по образцу “старого порядка” Франции эпохи первоначального накопления капитала и развития мануфактурного капитализма нет оснований. Пытаясь это делать, Б.Ф. Поршневу становится на ложный путь модернизации экономики феодализма» (*Полянский Ф.Я.* Товарное производство в условиях феодализма. М., 1969. С. 321).

В-третьих, тексты Поршнева не дают оснований утверждать, что он был действительно сведущ в экономической теории. Его политэкономические взгляды были исключительно марксистскими – в том смысле, что никакая другая теория его не интересовала; вполне возможно, что ни с какой другой теорией он и не был знаком, во всяком случае, признаков такого знакомства я не обнаружил. Однако далеко не все его идеи на этот счет даже современники готовы были признать соответствующими идеям Маркса. Сегодня совершенно очевидно, что речь шла о ленинско-сталинской версии марксизма. Подробнее об этом будет сказано ниже, сейчас же следует отметить, что в его работах нет интереса к целому ряду вопросов, которые другие школы считают ключевыми: об «экономическом пространстве» между стоимостью и ценой, о соотношении природы и труда как двух источников всякого богатства, об обмене материальных благ на услуги и на блага духовные... Вопросы такого рода Поршнев практически выносит за скобки анализа. Его занимают, скорее, общественные условия, в которых эти экономические процессы протекают. Сами же эти процессы, например коммутацию ренты, он затрагивает лишь в той мере, в какой они бросают свет на общественные условия и отношения классов, формы и уровень эксплуатации.

Справедливости ради замечу, что писать о политэкономии феодализма ему было трудно. Серьезных работ на эту тему тогда еще не было. Например, известная книга Витольда Кулы вышла намного позднее⁴⁷. Не было еще и стандартных советских учебников по политэкономии капитализма и социализма, которые он мог бы взять за образец и написать *mutatis mutandis* очерк политэкономии феодализма. Напомню, что «Экономические проблемы» Сталина появились в связи с подготовкой первого официального учебника по политэкономии. Он вышел в свет лишь в 1954 г. и был результатом коллективного труда Института экономики, возглавляемого К.В. Островитяновым⁴⁸. До этого публиковались только «авторские» работы, которые для Поршнева, по-видимому, не были достаточно авторитетными. Конечно, в сталинскую эпоху, иногда и позднее, предполагалось, что «Капитал» Маркса является систематическим изложением политэкономии капитализма, но все, кто знаком с этой книгой, наверное, согласятся, что это нечто совсем другое... Скорее, монография, в которой под определенным углом

⁴⁷ Kula W. Théorie économique du système féodal. Pour un modèle de l'économie polonaise, 16–18 siècles. P., 1970

⁴⁸ Политическая экономия. Учебник / Под ред. К.В. Островитянова. М.; Л., 1954. Эта книга, несомненно, повлияла на Поршнева. Он солидаризировался с ней, в целом, в том, что касается освещения феодализма (См.: ВИ. 1955. № 4. С. 95–96. Любопытно, что редакция журнала заняла по отношению к ней более критическую позицию. См.: Там же. № 5. С. 85) и, вероятно, считал, что его работа завершает здание советской политэкономии.

зрения рассматривается один из срезов капиталистической экономики, хотя говорить об этом в то время было не принято.

Следует подчеркнуть, что к 1953 г. Поршневу было далеко не единственным, кто претендовал на роль теоретика политэкономии докапиталистических формаций. Тот же Островитянов в 1945 г. посвятил данному вопросу целую книгу⁴⁹. Чуть позднее эту роль примеривал на себя М.Н. Мейман, работавший примерно в том же ключе, что и Поршневу, т. е. не занимаясь профессионально ни историей Средних веков, ни экономикой, ни правом и полагаясь в основном на общие сведения из истории и цитаты из классиков марксизма, в первую очередь того же Сталина⁵⁰. Она привлекала и С.Д. Сказкина, живо интересовавшегося марксизмом, но в те годы он публиковал в основном материалы учебного и справочного характера и не мог предъявить на данную тему ничего, сопоставимого с текстом Поршнева. Однако ему было что сказать и возразить, что он вскоре и сделал в совместной статье с Мейманом⁵¹. Одновременно Сказкин опубликовал собственную статью в «Средних веках» – фактически на ту же тему, но без упоминания имени Поршнева и без разбора его идей⁵². Сюжет интересовал и некоторых других авторов, в т. ч. М.А. Барга, Ф.Я. Полянского, Я.Д. Серовайского и, конечно, целый ряд специалистов по истории средневековой Руси, прежде всего Б.Д. Грекова. Но они либо не создали к этому времени текстов по общим проблемам феодализма, либо не успели или не пожелали откликнуться на новый гениальный труд Сталина. Поршневу же и пожелал, и успел, и сделал это на славу.

Выступление Поршнева застало коллег врасплох. Первый серьезный отклик на него – статья Меймана и Сказкина – вышла в свет лишь восемь месяцев спустя. Их главное возражение состояло в том, основной закон экономической жизни должен характеризовать историческое движение формации от ее возникновения к гибели, тогда как формулировка Поршнева характеризует феодализм в его статике. В связи с этим, опираясь на исторические факты, они оспорили очень важный для него тезис о возрастании нормы ренты по мере развития феодализма. Кроме того, они предложили понятие главного противоречия

⁴⁹ *Островитянов К.В.* Очерк экономики докапиталистических формаций. М., 1945.

⁵⁰ *Мейман М.Н.* Экономический закон движения рабовладельческого способа производства // Исторические записки. 1947. Т. 22. С. 314–366; *Он же.* Движение феодального способа производства // Там же. 1953. Т. 42. С. 116–159.

⁵¹ *Мейман М.Н., Сказкин С.Д.* Об основном экономическом законе феодальной формации // ВИ. 1954. № 2. С. 71–91.

⁵² *Сказкин С.Д.* Классики марксизма-ленинизма о феодальной собственности и внеэкономическом принуждении // Средние века, 1954. Вып. 5. С. 5–14. Статья представляет собой переработанный доклад, сделанный им 28 декабря 1952 г. на сессии Отделения истории и философии АН СССР. Данный выпуск был подписан в печать 12 мая 1954 г.

формации, каковое применительно к феодализму усматривали в противоречии между индивидуальным характером производства и крупной собственностью. Будучи более основательной, чем статья Поршнева, внося некоторые дельные поправки в его идею, эта работа, вместе с тем, была менее оригинальна и содержала принципиальное согласие с основной его идеей. И не мудрено: оспорить мысль Сталина, столь умело подхваченную и развитую Поршневым, о существовании основного для каждой общественной формации экономического закона в тех условиях было невозможно, да и нет уверенности, что авторы не были согласны с ней по существу.

Эти статьи вызвали большой резонанс. В течение 1954 г. «Вопросы истории» опубликовали 12 статей-откликов⁵³, а также изложение 20 других материалов, поступивших в редакцию⁵⁴. Далее последовала публикация, озаглавленная «Обсуждение вопроса об основном экономическом законе феодализма» и содержащая обзор дискуссий по этой проблеме, прошедших в научных учреждениях Москвы и Ленинграда⁵⁵. В рамках этой публикации были изложены замечания Поршнева, а также Меймана и Сказкина, на адресованную им критику. Статьи широко обсуждались во многих научных и учебных учреждениях страны. Среди участников были и серьезные специалисты по истории феодализма, в т. ч. В.М. Лавровский, А.Д. Люблинская, А.Г. Маньков, А.И. Неусыхин, В.И. Рутенбург, А.М. Сахаров, В.В. Стоклицкая-Терешкович.

Отзывы были разными. Люблинская высказала сомнение в том, что на данной стадии изучения Средневековья, когда слишком многие вопросы должным образом не проработаны, в принципе возможно сформулировать основной закон феодализма⁵⁶. И.С. Кон, похоже, вообще использовал дискуссию для того, чтобы выступить в печати с тезисом о способности господствующего класса использовать, в известных пределах, знание экономических законов в своих интересах, например при капитализме – для регулирования экономики и снижения социальной напряженности⁵⁷. Эта мысль была встречена с осуждением как крамольная, допускающая смягчение противоречий в классовом обществе⁵⁸.

⁵³ ВИ. 1954. № 5. С. 111–127 (И.С. Кон); № 7. С. 117–129 (К.А. Антонова, Г.М. Данилова, М.Я. Сюзюмов, М.С. Телепенина); № 8. С. 65–78 (Е.В. Гутнова, С.А. Сидоренко); № 9. С. 73–80 (М.В. Колганов); № 10. С. 79–89 (Ф.Я. Полянский; П.В. Снесаревский); № 11. С. 77–85 (Т. Минков и Р.П. Хромов).

⁵⁴ Краткий обзор статей об основном экономическом законе феодализма // ВИ. 1955. № 2. С. 76–90.

⁵⁵ ВИ. 1955. № 4. С. 86–97.

⁵⁶ ВИ. 1955. № 4. С. 86–87.

⁵⁷ Кон И.С. О действии экономических законов в антагонистических формациях // ВИ. 1954. № 5. С. 111–127.

⁵⁸ См. публикации В.Н. Замятина и М.А. Карузиной под общим названием «К вопросу о действии экономических законов в антагонистических обществах» // ВИ. 1955. № 5. С. 86–90.

Но, в целом, Поршневу мог торжествовать. Он не только навязал коллегам новую дискуссию, вновь заявив о себе как о лидере, но и заставил большинство выступивших в печати признать и обоснованность его идеи, и, пускай с некоторыми оговорками, правильность его формулировки. Вместе с тем, даже в этот момент он сумел момент восстановить против себя большую часть научного сообщества. Когда по истечении без малого двух лет он захотел напечатать в «Вопросах истории» новую статью на эту же тему, редакция журнала, весьма лояльная и к нему, и к его концепции, ограничилась публикацией его отклика на статью Меймана и Сказкина⁵⁹ и приняла решение дискуссию прекратить. Редакция «считает, что на данном этапе мнения участников дискуссии достаточно выявлены и дальнейшая разработка вопросов истории феодального общества, в том числе и основного экономического закона феодализма, должна вестись на основе анализа конкретно-исторического материала»⁶⁰. Редакция также решила своими силами, не привлекая к этому Поршневу, подготовить заключение по дискуссии; оно было опубликовано уже в следующем номере⁶¹. Последнее слово осталось все же не за ним.

Причины такого отношения многообразны, и дело никак не сводится к личной неприязни ряда исследователей к Поршневу и нежеланию видеть его во главе профессиональной корпорации, на что он, безусловно, претендовал. Главные причины лежат глубже. Во-первых, Поршневу эту дискуссию коллегам именно навязал: они не могли ее избежать, поскольку речь шла о творческом развитии идей самого Сталина. Ю.Л. Бессмертный сказал мне как-то, что Поршневу тогда просто «достал» всех своими инициативами и, похоже, это ощущение разделяли многие. Во-вторых, Поршневу в известном смысле приватизировал общие наработки корпорации по политэкономии феодализма, привязав их к своей идее об основном законе феодальной формации. К этой идее отнеслись прохладно, но в 1953–1955 гг. не было и речи о том, чтобы выразить несогласие открыто. Когда же, начиная с 1956 г., стало возможным критиковать или хотя бы игнорировать мнение Сталина, большинство советских ученых от нее довольно быстро отказались. Возражение вызывала сама правомерность постановки вопроса о некоем основном экономическом законе общественной формации. Не споря по большей части с формулировкой Поршнева (в нее вносились лишь некоторые коррективы), обществоведы видели в ней, скорее, верную характеристику одной из наиболее важных сторон феодального общества, но не закон как таковой. Употребление в

⁵⁹ ВИ. 1955. № 4. С. 95–97.

⁶⁰ Там же. С. 97.

⁶¹ Об основном экономическом законе феодальной формации (к итогам дискуссии) // ВИ. 1955. № 5. С. 79–85. Статья вышла от имени редакции, без подписи.

данном контексте термина «закон» также было встречено скептически. Существовало понимание того, что имеются некоторые семантические пределы использования этого термина и что предложенная Поршневым формулировка, в принципе, «не тянет» на закон и является не более, чем характеристикой. Закон предполагает некое соотношение, заключенное в природе явления, которое он выражает; таков, например, закон стоимости, согласно которому товары имеют тенденцию реализоваться в соответствии со своей стоимостью. Пресловутый закон «феодальной ренты», сформулированный Поршневым, всего лишь констатирует, что феодальная рента – очень важная черта феодального общества. Поршнев, конечно, продолжал говорить об основном экономическом законе феодализма и в дальнейшем (куда же ему было деться от своего собственного открытия?), но, по крайней мере, с 60-х годов мало кто разделял его мнение на этот счет.

Следует отметить достойный тон и весьма высокий уровень дискуссии – убедительный показатель быстрых перемен, происходивших в обществе. Маркса, Энгельса и Ленина упоминали достаточно часто, Сталина все реже, многие сочли возможным без этого обойтись. Явным диссонансом прозвучало выступление востоковеда И.С. Брагинского, сославшегося на «указание» Мао Цзе-дуна о крестьянских восстаниях⁶². Было высказано много дельных мыслей, например, Неусыхиным – о многообразии региональных вариантов феодализма, о необходимости строить модель феодализма на материале его истории в классический период, не обремененный ни атавизмами более ранних обществ, ни элементами капиталистических отношений⁶³; замечу, что эта простая мысль ставила под вопрос применимость к феодализму высказываний Ленина о пореформенной России.

Итоговый материал по дискуссии об основном законе феодализма, опубликованный в «Вопросах истории», содержал некоторые ошибочные теоретические положения, например утверждение о том, что «во всякой антагонистической формации собственность на основное средство производство составляет монополию господствующего класса»⁶⁴. Имела место и некоторая путаница в использовании правовых понятий. Но, в целом, это был хороший спокойный текст с высокой концентрацией здравых мыслей, наверняка помогший многим разобраться в предмете:

«Не следует сводить всякую феодальную зависимость к наиболее грубой форме внеэкономического принуждения – крепостной зависимости, личной крепости».

«Главным экономическим противоречием для феодализма является противоречие между индивидуальным характером процесса

⁶² ВИ. 1955. № 4. С. 91.

⁶³ Там же. С. 91–92.

⁶⁴ ВИ. 1955. № 5. С. 80.

производства и крупной феодальной собственностью. Это противоречие нельзя подменять противоречием между мелкой и феодальной собственностью. Понятие мелкой собственности не раскрывает самого характера этой собственности, мелкая собственность может быть и феодальной, и буржуазной».

«Едва ли правомерно утверждать, что основной экономической закономерностью феодализма является рост нормы феодальной ренты, да еще путем смены форм этой последней. Если согласиться с такой точкой зрения, то придется признать, что оброчник, уплачивающий денежную ренту, эксплуатируется сильнее, чем крепостной барщинник, и что по мере ослабления внеэкономического принуждения тяжесть феодальной эксплуатации возрастает».

«Классический путь разложения феодализма действительно состоит в приближении крестьянина к положению свободного товаропроизводителя-собственника».

«Следует... предостеречь против отождествления “варварской” дани с феодальной рентой. Последняя обязательно предполагает крупное землевладение и является его экономической реализацией».

«Феодализму свойственно хотя и не систематическое, крайне медленное, но все же расширенное воспроизводство».

«При феодализме в качестве организаторов производства выступают не столько феодалы, сколько – и главным образом – сами трудящиеся, ведущие свое хозяйство»⁶⁵.

В заключение редакция дала свою формулировку основного экономического закона феодализма:

«Обеспечение прибавочного продукта в форме феодальной ренты путем эксплуатации крестьян на основе феодальной собственности на землю с применением внеэкономического принуждения»⁶⁶.

Год спустя Поршнев опубликовал «Очерк политической экономии феодализма». В книге анализировался широкий круг вопросов, в т. ч. и тех, о которых он прежде не писал: о соотношении натурального и товарного производства, о городском ремесле, денежном обращении, движимом богатстве. Он затронул и некоторые важные аспекты уже поднимавшихся им проблем, например вопрос о перераспределении ренты среди господствующего класса. Но в первую очередь его интересовали те же вопросы, которые он поднял в статье 1953 г. Нужно отдать ему должное: никогда прежде весь этот круг вопросов не был предметом рассмотрения в рамках одной работы, которая, несомненно, дает общую картину феодальной экономики. Критиковать легче, чем написать самому, и, критикуя, не следует забывать, что многие положения,

⁶⁵ ВИ. 1955. № 5. С. 80–84.

⁶⁶ Там же. С. 85.

воспринимаемые сегодня как банальные истины, полвека назад звучали достаточно оригинально. В общем и целом, это была полезная книга.

К сожалению, модель, которую предложил Поршнев, была слишком примитивна. «Феодализм – это система эксплуатации крепостных крестьян землевладельцами-феодалами»⁶⁷. И все. Ни слова хотя бы об этимологии слова «феодализм», о его долгой истории, о его восприятии и употреблении учеными, принадлежавшими к другим научным школам, о соотношении публично- и частноправовых моментов в его возникновении и развитии. Очень мало о различных вариантах генезиса феодализма, чуть больше о типологии классического и позднего феодализма, почти ничего о многоукладности средневековой экономики (понятие «социально-экономический уклад», похоже, его не заинтересовало, что странно, учитывая, какое внимание придавал тому Ленин). Явно недостаточно о самом производстве, как аграрном, так и ремесленном, не говоря уже о сфере услуг, слишком мало о деньгах, ценах, о рыночных отношениях людей разного статуса, не связанных рентными отношениями, об экономической политике цехов и городских властей... Список упущений легко продолжить, но книгу все же следует оценивать в первую очередь по тому, что в ней есть.

В целом, книга воспроизводила основные идеи статьи 1953 г., но с учетом обсуждения 1954–1955 гг. Так, Поршнев принял поправки, предложенные в ходе этого обсуждения к его формулировке «основного экономического закона». Теперь она звучала следующим образом: «Производство прибавочного продукта для удовлетворения потребностей феодала путем эксплуатации зависимых крестьян на основе собственности феодалов на землю и неполной собственности их на работников производства – крепостных»⁶⁸. В книге встречались рецидивы его прежних идей о соотношении экономики и классовой борьбы⁶⁹, но, в целом, она отражала новый этап представлений Поршнева о политической экономии.

Слабым местом Поршнева, как и большинства советских обществоведов его поколения, было искаженное представление о соотношении экономики и права и, как следствие, смешение экономических понятий с юридическими. В какой-то мере это было вызвано попросту недостаточным знакомством как с экономикой, так и, тем более с правом. В частности, из сочинений Поршнева очевидно, что он путает базовые понятия имущественных правоотношений: собственность, владение и

⁶⁷ Поршнев Б.Ф. Очерк... С 54. Формула взята из статьи «Об основном экономическом законе» и перекочует в «Феодализм и народные массы».

⁶⁸ Там же. С. 57.

⁶⁹ Там же. С 186: «Марксистская теория считает не товарное производство причиной существования классов, а существование классов, обусловленное формой собственности на средство производства, экономическим основанием товарного производства».

держание, употребляя их не только некорректно, но и в разном значении⁷⁰. Однако главная причина для такого смешения заключалась в самой природе общества, в котором он жил, и официальной идеологии, которой он был проникнут.

Одна из ее важнейших особенностей состояла в подмене экономических понятий юридическими, и наоборот. Речь идет как об очевидных категориальных двусмысленностях, например, связанных с употреблением понятия «закон» (плановое развитие экономики как «закон» социализма – и закон о плане развития на ближайший год или очередную пятилетку), так и о более закамуфлированных случаях подмены понятий. С конца 30-х годов, под влиянием работ Сталина и Вышинского, понятия «право» и «закон» стали считаться синонимами. Для режима смысл этой новации заключался в уничтожении и теоретической, и терминологической возможности усомниться в неправомерном характере советского законодательства и в установлении государственной монополии на право. Для обществоведения эта подмена обернулась серьезнейшим заблуждением о сути права и правовых отношений, которые в одночасье утратили объективный характер⁷¹. При том, что законодательство как инструмент революционного переустройства общества только что не обожествлялось, у философов, историков и экономистов возникла нелепая манера использовать слова «правовой», «юридический» в уничижительном смысле, как обозначение чего-то поверхностного, несолидного, по сравнению с подходом социально-экономическим. Обвинение в «юридическом подходе» звучало как серьезное предупреждение еще в 80-е годы. Неудивительно, что Поршнев не стремился ни изучать право, ни разобраться, как следует, в правовой природе тех явлений, о которых писал.

На первый взгляд, этому утверждению противоречит его повышенное внимание к понятию «собственность», но, как уже объяснялось выше, он видел в ней, вслед за Сталиным, не правовое, а экономическое отношение. Этот подход был, в конечном счете, обусловлен импульсами, идущими от самой советской реальности. Как известно, теоретическое обоснование возможности социалистической революции в России зиждилось на допущении того, что смену общественно-экономической формации можно ускорить путем захвата политической власти и ее использования для радикального передела собственности. Это допущение подкреплялось соображениями пропагандистского толка, поскольку для того, чтобы поднять народные массы на революцию,

⁷⁰ См.: Поршнев Б.Ф. Очерк... С. 29–32, и в частности 31: «при политико-экономическом рассмотрении феодальной земельной собственности оказывается, что “условной”, “несвободной собственностью” по сути является только крестьянское земельное “владение” (держание, надел)».

⁷¹ Преодоление этого представления затянулось до самого конца советской эпохи. См.: Нерсесянц В.С. Право и закон. М., 1983.

нужно было выдвинуть понятные этим массам лозунги. Лучшим, с этой точки зрения, лозунгом было именно перераспределение собственности, но никак не смена способа производства. При таком положении вещей понятию «собственность» суждено было стать центральным понятием революционного процесса – и в его реальной ипостаси, и в его осмыслении, притом не только народом, но и вождями и идеологами революции. Классический марксизм, ставивший во главу угла идею способа производства и медленного спонтанного вызревания новых экономических отношений в недрах старых, приводящего в конце концов к социальной революции, – оказался не востребовавшимся. Научные категории оказались контаминированными обыденной лексикой и в значительной мере ею подавлены.

Суть новых представлений об обществе была сформулирована в 1938 г. Сталиным в статье «О диалектическом и историческом материализме». Отталкиваясь от ранних работ Маркса, написанных задолго до того, как он приблизился к «тайне капиталистического производства», Сталин отождествил понятия «отношения собственности» и «производственные отношения». В результате появилась серия чеканных формулировок, характеризующих пять известных истории типов производственных отношений и гласящих, что основой соответствующего типа производственных отношений является собственность господствующего класса на средства производства⁷². Войдя в «Краткий курс» истории ВКП(б), это положение определило (прямо или опосредованно) социологические представления нескольких поколений советских ученых, последние из которых в подавляющем большинстве даже не подозревали о родословной этих представлений, хотя и задавались порой вопросом об их соответствии марксизму.

Принятие этого положения имело катастрофические последствия для отечественного обществоведения, вынужденного приспособляться к нему не только факты социальной истории, но и самый смысл таких ключевых слов, как «собственность» и «производство». Из этих интеллектуальных усилий возникло представление о двояком понимании категории «собственность» (юридическом и экономическом), невероятное, с точки зрения любой теории, претендующей на научную логику, и прочно блокировавшее разработку понятийного аппарата как права, так и экономики. Понятие феодальной (буржуазной и т.д.) собственности оказалось незаметно подменено понятием собственности феодала. Напрашивающиеся вопросы о том, что же их все-таки различает, помимо социального облика их носителя, и как следует определить собственность других, нежели феодалы и капиталисты, социальных групп соответствующих обществ, повисли в воздухе. Экономическая модель, имевшая целью объяснить, как функционирует та или иная

⁷² Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М., 1952. С. 593–597.

исторически конкретная форма производства, была истолкована как характеристика социально-экономической структуры общества в целом и, если применительно к капитализму никто не отрицал наличие многочисленных собственников, не вовлеченных напрямую в капиталистическое производство, то применительно к феодализму иные историки всерьез говорили о монополии класса феодалов на всю землю в государстве⁷³. Также выяснилось, что без словесной эквилибристики и введения в оборот внеученных понятий типа «народное достояние» невозможно объяснить, чем отличается государственная собственность при капитализме и социализме, а буквальное совпадение характеристик, данных Сталиным производственным отношениям первобытного и социалистического обществ (как основанных на «общественной собственности») было настолько скандальным, что о нем предпочитали вообще не вспоминать. Прокрустово ложе идеологии обрекало обществоведение на адские мучения. Это видно на примере работ многих выдающихся ученых того времени, например А.В. Венедиктова⁷⁴.

Для Поршнева, как и для других советских ученых, изучавших труды Маркса, не могло быть секретом, что отношения собственности в них трактуются принципиально иначе, чем у Сталина. Напомню, что в 1859 г. в «К критике политической экономии» Маркс сформулировал как «общий результат» проделанной им работы, призванный служить ему «руководящей нитью во всех... дальнейших исследованиях», ключевой тезис о том, что отношения собственности являются «юридическим выражением» производственных отношений, т. е. объективных, не зависящих от воли людей и исторически конкретных отношений, складывающихся в процессе создания, распределения, обмена и потребления материальных и духовных благ⁷⁵. Справедливости ради замечу, что в более ранних сочинениях Маркса можно встретить и другие, менее ясные высказывания о соотношении понятий «производственные отношения» и «отношения собственности». Анализ эволюции взглядов Маркса на эту проблему неминуемо привел бы Поршнева к выводу о том, что в «Капитале» и других своих зрелых работах Маркс исходил из того определения этих категорий, которое дал в 1859 г. Свидетельством тому целый ряд, безусловно, известных Поршневу высказываний, в том числе прозвучавшее в «Капитале» утверждение, что собственность есть «юридическое отношение... волевое отношение, в котором отражается экономика»⁷⁶, и определение ренты как «экономической реализации

⁷³ См.: *Филиппов И.С.* Земельная рента и проблема феодальной собственности (сравнительно-исторические наблюдения) // *Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии. Проблемы феодальной государственной собственности и государственной эксплуатации.* М., 1988. С. 44–60.

⁷⁴ *Венедиктов А.В.* Государственная социалистическая собственность. М.–Л., 1948.

⁷⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 13. С. 6–7.

⁷⁶ Там же. Т. 23. С. 94. Ср.: Т. 16. С. 26.

земельной собственности, юридической фикции, в силу которой различным индивидуумам принадлежит исключительное владение определенной земельной площадью»⁷⁷. Главная новация состояла в том, что в «Капитале» соотношение этой пары понятий анализировалось уже не только в абстрактно-онтологическом, но и в функциональном плане, поэтому собственность рассматривалась как отношение, одновременно порождаемое производственными отношениями и выступающее наиболее общим социальным условием их существования⁷⁸.

Однако такой подход к изучению идей Маркса был Поршневу, как и его коллегам, чужд. Ни о какой форме критики Маркса, в том смысле, в котором он сам употреблял это слово (напомню, что «Капитал» имел подзаголовок: «Критика политической экономии»), у Поршнева, конечно, нет и в помине, притом не только в 1953, но и в 1956 и даже в 1964 г. Его отношение к Марксу и его последователям я описал бы как творческий догматизм. О Поршневе не скажешь, что он ищет истину, отталкиваясь от текстов Маркса. Для него очевидно, что истина заключена в самих этих текстах (притом любых текстах), поэтому задача состоит в уяснении этой истины и ее конкретизации. Примечательно, что он ставит на одну доску «Капитал» и ранние сочинения Маркса, например, «Нищету философии», написанную за 20 лет до «Капитала», когда Маркс, строго говоря, не был еще марксистом. Сходным образом, Поршнев, как и большинство советских ученых его времени, не делает различия между опубликованным текстом Маркса и наброском, между научной работой и публицистической статьей или частным письмом. При всем почтении, которое он испытывал к Марксу, Поршнев подходит к его высказываниям потребительски и берет на вооружение те, которые ему в данный момент удобнее для обоснования своих мыслей.

Ситуация усугублялась тем, что, даже если бы Поршнев (или Сказкин или Полянский или кто-то другой из ученых этой генерации) разобрался в данном вопросе, он все равно вынужден был бы исходить из формулировки Сталина. Это была святая святых советской идеологии, научное обоснование того, что в СССР действительно построен социализм. Покушение на этот постулат было подрывом самих основ идеологии, и Поршнев, конечно, на это пойти не мог. Пересмотр этой позиции стал возможным лишь в 60-е и даже 70-е годы, главным образом, благодаря В.П. Шкредову, чьи книги произвели в нашей политэкономии эффект разорвавшейся бомбы⁷⁹. Он убедительно показал, что метод Маркса предполагает трактовку отношений собственности

⁷⁷ Там же. Т. 25. Часть 2. С 184.

⁷⁸ См. подробнее: *Филлипов И.С.* Средиземноморская Франция в раннее средневековье. Проблема становления феодализма. М., 2000. С. 753–754.

⁷⁹ *Шкредов В.П.* Экономика и право. М., 1967; *Он же.* Метод исследования собственности в «Капитале» К. Маркса. М., 1973.

как итоговой (а не исходной!) категории экономического анализа. Находясь, строго говоря, за пределами политэкономии и обладая своей особой структурой, присущей сфере права, эти отношения, с точки зрения экономической науки и ее инструментария, раскрываются посредством анализа всей системы производственных отношений конкретного общества. Однако Поршневу, как и подавляющему большинству историков, они, похоже, остались неизвестными или неинтересными.

Сталинский тезис о собственности как основе производственных отношений сыграл с отечественной наукой злую шутку, крайне затруднив анализ той самой категории, которую эта наука считала основополагающей. Считая отношения собственности самым глубоким общественным отношением, Поршнев практически свел анализ феодализма к анализу отношений собственности. Он даже полагал, что они составляют главный предмет политэкономии, якобы призванной выяснить, кому в данном обществе принадлежат средства производства⁸⁰. Маркс в своем исследовании капитализма исходил из того, что это и так очевидно, и выносил данный вопрос за рамки политэкономии, уделяя ему внимание лишь в исторических экскурсах (прежде всего о первоначальном накоплении), где как раз и стремился показать, как эти самоочевидные отношения возникли. При этом Поршнев был недостаточно знаком с юриспруденцией, путал базовые понятия имущественных правоотношений, делал другие грубые ошибки в трактовке правовых реалий.

Следуя Сталину, Поршнев допустил искажение и собственно экономической теории Маркса, притом самих ее основ. В данном случае не так уж важно, хороша ли теория Маркса или нет; опора на любую теорию, в которой пересматриваются базовые понятия, не может не дать отрицательный результат.

Как известно, процесс воспроизводства Маркс описывал несколькими способами, используя, соответственно, разные понятия, но, в первую очередь, триаду: «воспроизводство работника», «воспроизводство средств производства» и «производство прибавочного продукта». Я упрощаю, но суть именно в этом.

Отгалкиваясь от тезиса Сталина о неприменимости этой триады понятий к социалистическому обществу, Поршнев полагал, что она не является общей, сквозной для всех способов производства, в том числе и для докапиталистических. Сталин аргументировал свою мысль тем, что при социализме нет различий между простым воспроизводством работника, воспроизводством на заданном уровне, и производством дополнительного продукта, поскольку, якобы, в социалистическом обществе дополнительный продукт в конечном счете идет на развитие

⁸⁰ Поршнев Б.Ф. Очерк... С. 21, 49.

работника⁸¹. Позиция Сталина была, разумеется, абсолютно демагогична и лицемерна, но причудливым образом отражала тот факт, что в СССР в больших масштабах практиковались и недоплата работникам за их труд, и сверхэксплуатация основных фондов, короче, систематическое нарушение пропорций распределения валового продукта. К феодализму все это имело мало отношения, но Поршнев воспринял тезис Сталина в том смысле, что названная выше триада понятий характерна, по большому счету, только для капитализма.

Сходным образом, и в силу тех же аргументов, считалось, что к социализму не вполне применимо и понятие воспроизводство средств производства. Это имело катастрофические последствия для всей экономической теории, в частности, обрекало на неудачу любые попытки объяснить в экономических (а не социальных или правовых) категориях различия между античным рабством, феодализмом и капитализмом. Ведь, по Сталину, во всех трех случаях получалось, что «непосредственный производитель» отдает собственнику прибавочный продукт – и все. Различия оказывались социально-правовыми: при рабовладении раб отдает этот продукт рабовладельцу, при феодализме – зависимый крестьянин феодалу, при капитализме – наемный работник предпринимателю. И совершенно непонятно, что происходило при этом с той очень весомой частью вновь произведенного продукта, из которого покрывались издержки производства.

Поршнев понимал, что при феодализме, в отличие от рабовладения и капитализма, воспроизводство рабочего скота, хозяйственного инструмента и семенного фонда осуществлялось почти исключительно в рамках крестьянского хозяйства. Так обстояло дело даже при преобладании барщины (достаточно редкая в средние века ситуация); при преобладании оброка это и вовсе очевидно. Однако из этого правильного и очень важного наблюдения Поршнев сделал совершенно немыслимый вывод о том, что при феодализме воспроизводство средств производства “покрывается” из... необходимого продукта⁸², который, по Марксу, идет на простое воспроизводство работника и только работника.

Анализируя генезис или, скорее, анамнез этой невероятной гипотезы, нельзя не отметить, что она находится в какой-то связи с чудовищным пренебрежением к так называемым основным фондам, столь

⁸¹ «Довольно абсурдно звучат теперь, при нашем строе, слова о рабочей силе, как товаре, и о “найме” рабочих: как будто рабочий класс, владеющий средствами производства, сам себе занимается и сам себе продает свою рабочую силу. Столь же странно теперь говорить о “необходимом” и “прибавочном” труде: как будто труд в наших условиях, отданный обществу на расширение производства, развитие образования, здравоохранения, на организацию обороны и т.д., не является столь же необходимым для рабочего класса, стоящего ныне у власти, как и труд, затраченный на покрытие личных потребностей рабочего и его семьи» (Сталин И.В. Экономические проблемы... С. 44–45). Ср.: Поршнев Б.Ф. Феодализм... С. 32.

⁸² Поршнев Б.Ф. Очерк... С. 26, 76–78, 105.

характерным для советской экономики. Как известно, стремительный рост советской экономики во времена Сталина стал возможным не в последнюю очередь благодаря тому, что львиная доля прибавочного продукта немедленно направлялась на создание новых предприятий – с ощутимым ущербом для поддержания и обновления уже существующих (не говоря уже о таких мелочах, как техника безопасности или экология). Словом, реальности советской экономики побуждали думать, что воспроизводство средств производства – это, в общем-то, не очень важно.

Но для деформации системы экономических категорий имелись, конечно, и чисто интеллектуальные причины, и, по крайней мере, сознательно Поршнев руководствовался ими.

Среди его слабых мест как историка была аграрная история; он не интересовался ею и плохо в ней разбирался (в отличие от Косминского, Сказкина, Неусыхина и многих других медиевистов того времени). Не удивительно поэтому, что мы находим у него утверждение, что земля как главное в Средние века средство производства «не нуждается в возмещении, ибо не уничтожается в процессе производства»⁸³. Он, видимо, смутно представлял себе, сколько забот и расходов связано с поддержанием земли в хорошем состоянии (что, впрочем, тоже находит параллели в варварском использовании земли в советскую эпоху). Характер воспроизводства земли, конечно, отличен от воспроизводства зданий, дорог, каналов, других элементов промышленной инфраструктуры, но все же не так сильно, как это представлял себе Поршнев.

Явно недостаточно Поршнев был знаком и с социально-экономической проблематикой. Он исходил из априорного, и опять-таки сталинского, представления о том, что во всех «антагонистических» обществах собственник присваивает весь прибавочный продукт, что не соответствует ни историческим фактам, ни марксистской теории и также мешает понять специфику феодального способа производства. Это положение надолго закрепилось в отечественной литературе, как исторической, так и, тем более, экономической. Вплоть до конца советской эпохи, если не дольше, господствовало представление о поглощении рентой всего прибавочного продукта и, как добавляли особо ретивые обличители феодального строя, «даже части необходимого продукта».

Совершенно непонятно, как же, при таком положении вещей, крестьянское хозяйство сохраняло способность к развитию. Известно, что в большинстве стран Западной Европы на протяжении большей части Средневековья господское хозяйство играло подчиненную роль, а значит, изымаемая земельная рента шла в основном на непроизводительное потребление. Непреложным для этой эпохи фактом является развитие именно крестьянского хозяйства, выражавшееся в расширении обрабатываемых земель, освоении новых культур и технологий, повы-

⁸³ Поршнев Б.Ф. Очерк... С. 26.

шении производительности труда и культурном росте самого работника. Конечно, при феодализме постоянное расширение производства еще не заложено в хозяйственный механизм и сдерживается регулярными нарушениями воспроизводственного процесса неурожаями, военными усобицами, демографическим прессом и другими привходящими обстоятельствами. Поэтому совершается оно в основном в виде спорадических рывков, воплощенных, например, в распашках нови, либо в подспудном изменении самой личности работника, которое в общественном масштабе обнаруживается только в долговременной перспективе. Тем не менее, расширенное производство, конечно, не было чуждо феодализму, ведь без него, по определению, невозможен экономический прогресс. К слову, это понимали Мейман и Сказкин, исходившие, как можно предположить, из некоторых высказываний Маркса⁸⁴.

В оправдание Поршневу, доказывавшему, что при феодализме необходимый труд обеспечивает воспроизводство не только работника и его семьи, но и средств производства и даже само расширение производства⁸⁵, можно было бы сказать, что он столкнулся со вполне реальной проблемой исторически изменчивого соотношения необходимого и прибавочного труда. Одним из аспектов этой проблемы является пресловутая сращенность работника докапиталистической эры со средствами производства, затрудняющая выделение в особую категорию той части труда, которая необходима для воспроизводства работника как такового⁸⁶. Тем не менее, идея Поршнева должна быть признана несостоятельной, более того: возникшей из совершенно ложной посылки, что оседание части прибавочного продукта в крестьянском хозяйстве при феодализме невозможно, по определению.

Сохранение за крестьянином части прибавочного продукта логически связано с преобладанием продуктовой ренты и сравнительно мягких, преимущественно договорных форм зависимости. По мысли Маркса, продуктовая рента, обусловленная и в свою очередь обуславливающая растущую хозяйственную самостоятельность, культуру производства и производительность труда крестьянина, облегчает ему накопление богатства и, по сравнению с отработочной рентой, обеспечивает экономическому развитию большую свободу⁸⁷. Поэтому в отношении продуктовой ренты он считал правомерным сказать, что она «может и не исчерпывать всего избыточного труда деревенской семьи»⁸⁸. Реализуется ли эта возможность или нет, зависит от «эмпирических обстоятельств», а они зачастую складывались для крестьянина достаточно

⁸⁴ Мейман М.Н., Сказкин С.Д. Об основном экономическом законе.. С. 88. Ср.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 611.

⁸⁵ Поршнев Б.Ф. Очерк... С. 79–80. Ср.: Он же. Феодализм... С. 83–90.

⁸⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 539; Т. 25. Ч. 2. С. 448.

⁸⁷ Там же. Т. 25. Ч. 2. С. 356–358.

⁸⁸ Там же. С. 359, 360, 363.

благоприятно. В частности, знаменательна редкость наиболее тяжелых («крепостнических», по терминологии Маркса) форм зависимости. Хотелось бы, однако, подчеркнуть, что такое положение вещей для феодализма вообще является нормальным. Поскольку при феодализме работник является одновременно организатором производства, забота о его расширении ложится в основном на его плечи. Между тем, расширение производства предполагает в качестве неперенного условия накопление, которое не может сколько-нибудь долго осуществляться из необходимого продукта; главным и нормальным его источником во все времена служил прибавочный продукт. Поэтому какая-то его часть должна была оставаться в руках работника⁸⁹. Вопрос в том, какая именно. И лишь в тех случаях, когда феодальное хозяйство интегрируется в мировую капиталистическую экономику и у помещика возникает стимул (а иногда и возможность) повышать норму эксплуатации, она приближается к капиталистической, т. е. выражается в изъятии у крестьянина всего или почти всего прибавочного продукта. Маркс писал об этом на примере Валахии начала XIX в. Любопытно, что цитируя его рассуждения на эту тему⁹⁰, Поршнев не видит суть проблемы, а именно то, что такая ситуация была для классического феодализма нехарактерна.

Очень внятно и убедительно о несводимости прибавочного продукта к ренте писал в свое время Косминский, показавший, что размеры ренты относительно прибавочного продукта варьировали очень существенно, составляя иногда лишь незначительную его часть⁹¹. Для сеньора суть борьбы за ренту заключалась отнюдь не в том, чтобы содрать с крестьянина последнюю шкуру. В ситуации, которую, с точки зрения соразмерности самому феодализму, оправдано считать нормальной, речь шла лишь о доле прибавочного продукта, не более; ее величина зависела от суммы конкретно-исторических обстоятельств, абстрактный анализ которых беспредметен, по определению. Что касается советской медиевистики, с этим были согласны едва ли не все серьезные исследователи аграрной истории, опиравшиеся на конкретный материал, в том числе: Барг, Бессмертный, Гуревич, Корсунский, Котельникова, Мильская, Неусыхин, Серовайский, призывавшие реально оценивать уровень эксплуатации крестьянства в каждый отдельно взятый момент

⁸⁹ «Известное накопление богатства, – писал Маркс в “Теориях прибавочной стоимости”, – имеет место на всех ступенях экономического развития, а именно отчасти в виде расширения масштабов производства, отчасти в виде образования сокровищ и т. д. Пока... работник... не только сам производит свою “заработную плату”, но и выплачивает ее себе сам, ... в большинстве случаев... он имеет возможность присвоить себе по крайней мере некоторую часть своего прибавочного труда и своего прибавочного продукта» (Там же. Т. 26, Ч. 3. С. 436–437). Насколько я могу судить, участникам дискуссии о политэкономии феодализма этот текст остался неизвестен.

⁹⁰ Поршнев Б.Ф. Очерк... С. 72–73. Ср. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 241–244.

⁹¹ Ср.: Косминский Е.А. Исследования по аграрной истории Англии XIII века. М., Л., 1947. С. 452–453.

и, между прочим, не сводить многосложность рентных отношений к эксплуатации. Однако эти обоснованные и продуманные суждения удивительным образом уживались с априорным, вненаучным представлением о совпадении земельной ренты с полным объемом прибавочного продукта как некоей нормы.

Пытаясь найти выход из этой ситуации, Поршнев ввел новое понятие – «избыточный продукт», под которым предложил понимать часть необходимого продукта, который крестьянин, идя на жертвы, отрывает от себя и своей семьи ради расширения производства⁹². Термины «избыточный труд», «избыточный продукт» он заимствовал у Маркса, однако, как следует хотя бы из приведенных чуть выше цитат, у того они не выступают в качестве особых экономических категорий, а всего лишь объясняют механизм образования прибавочного продукта, идущего частично и на расширение производства.

Выше уже отмечалось, что под натиском сталинских формулировок, понятие феодальной (буржуазной и т. д.) собственности было незаметно подменено понятием собственности феодала. Это априорное представление, обусловленное в конечном счете смешением статистического и содержательного подходов к феномену собственности, также служило серьезным препятствием для изучения феодального общества. Поршнев твердо держался того мнения, что феодальная собственность – это собственность феодала. Его высказывания на этот счет⁹³ вызывают лишь чувство неловкости. Достаточно упомянуть, что, будучи специалистом по французской истории, он толковал термин *titre de propriété* («титул собственности», т. е. документ, подтверждающий право собственности) как свидетельство того, что при феодализме земельными собственниками могли быть только лица, имеющие дворянский титул! Сказкин думал иначе. Хорошо зная и реальную историю, и теории февдистов⁹⁴, он отдавал себе отчет в том, что земельная собственность отнюдь не была прерогативой господствующего класса, и полагал, что понятие феодальной собственности несводимо к понятию собственности феодала⁹⁵, но мысль эту, к сожалению, не конкретизировал⁹⁶.

Сталин, по-видимому, в принципе не понимал мысль Маркса о «форме собственности» как о целостном выражении определенного способа производства. Так, он полагал, что «наряду с феодальной собственностью существует единоличная собственность крестьянина и ремесленника на орудия производства и на свое частное хозяйство,

⁹² Поршнев Б.Ф. Очерк... С. 80.

⁹³ Там же. С. 35; Поршнев Б.Ф. Феодализм... С. 33, 52–54.

⁹⁴ См.: Сказкин С.Д. Февдист Эрве и его учение о цензиве // Средние века, 1942. Вып. 1. С. 185–201. Возможно, это лучшая его работа.

⁹⁵ Сказкин С.Д. Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века. М., 1968. С. 119.

⁹⁶ Свои собственные представления об этой проблеме я изложил в 7-й главе моей книги о Средиземноморской Франции в раннее средневековье.

основанное на личном труде»⁹⁷, исходя, таким образом, вопреки Марксу, из возможности существования при феодализме двух форм собственности – феодальной и нефеодальной. Как воспринимал эту мысль Маркса Поршневу, сказать сложно. Во всяком случае, в анализируемых работах он не упоминает ключевой для данного вопроса текст Маркса, известный как «Формы, предшествующие капиталистическому производству», хотя он был опубликован, притом именно в СССР, еще в 1939 г. на немецком и в 1940 г. – на русском языке.

Как бы там ни было, но Поршневу ушел от анализа социально-экономического положения свободного крестьянства Средневековья, значение которого в некоторых странах, например скандинавских, а также на Руси, было очень велико на протяжении всего этого периода. Восприятие сталинского понимания феодальной собственности (в т. ч. благодаря разъяснениям Поршнева) имело особенно печальные последствия для осмысления русской истории. Поскольку имелись указания Ленина и Сталина о том, что Киевская Русь с самого своего возникновения в IX в. была именно феодальным государством, постольку феодальным следовало считать и все древнерусское общество. Проблема состояла в том, что при наличии класса крестьянства⁹⁸, которое, по этой логике, уже было феодально-зависимым, в наличии практически не было класса феодалов. Из этого противоречия родилась теория государства как коллективного феодала и государственной феодальной собственности на землю, сложившейся еще при первых киевских князьях. Я отдаю себе отчет в сложной диалектике публично-правовых и частно-правовых начал в средневековой истории России (кстати, не столь уникальной, как это представляется иным авторам), как и в векторе этой истории, но переносить реалии XVIII–XIX вв., действительно, знавших такой феномен, на IX–X вв. неправомерно. На мой взгляд, в основе этой историографической ситуации все же лежит именно неправильное понимание формулы Маркса о монополии феодала на землю.

Из «Краткого курса истории ВКП(б)» Поршневу заимствовал и формулу Сталина о «неполной собственности феодала» на зависимого крестьянина⁹⁹. Приведу ее целиком: «При феодальном строе основой производственных отношений является собственность феодала на средства производства и неполная собственность на работника производства – крепостного, которого он уже не может убить, но которого он может продать, купить»¹⁰⁰. Представление о «неполной собственности» на человека абсурдно по определению. Во-первых, собственность может быть только полной, в противном случае это уже не собственность. Во-

⁹⁷ Краткий курс истории ВКП(б). С. 120.

⁹⁸ Я отвлекаюсь сейчас от вопроса о явно анахроническом употреблении термина «крестьянство» применительно к этой эпохе.

⁹⁹ Поршневу Б. Ф. Очерк... С. 19, 37, 38 и др.

¹⁰⁰ Краткий курс истории ВКП(б). С. 120.

вторых, она неприменима к человеку ввиду его особенностей как потенциального объекта присвоения. Случалось, что раб оказывался собственностью двух людей (как правило, это временная ситуация, например, на этапе еще не разделенного наследства), но правовые системы избегали такого положения дел как чреватого конфликтом между собственниками. И уж совсем невероятна, с точки зрения права, ситуация, при которой одна часть человека принадлежит ему самому, а другая – кому-то еще. Право допускает продажу человеком части своего организма, но совершенно исключает отчуждение какой-то доли или ипостаси самого себя как целостного существа, наделенного сознанием, волей и рабочей силой. Право человека на распоряжение своим телом и своей свободой вообще не может быть описано в категориях имущественных отношений. Иначе говоря, эта формула безграмотна с точки зрения юридической теории. В-третьих, сталинская формула не учитывает и мешают понять многообразие форм феодальной зависимости, существовавших в средние века, и навязывает ошибочное представление о том, что крепостничество являлось наиболее распространенной и нормальной формой. Это Поршнев, несомненно, понимал, чему есть прямые доказательства в его книгах, но придерживался сталинского тезиса, причем не только в 1953 г., но и позднее. И не только он: это представление бытовало в нашей историографии, особенно применительно к истории России, по крайней мере, до 80-х годов прошлого века.

«Очерк» вызвал на удивление мало откликов. Сборник «Средние века» на его появление вообще никак не отреагировал. Единственный медиевист, написавший на него рецензию, – Серовайский – опубликовал ее в практически недоступном издании и использовал для обоснования своих собственных взглядов, также спорных, но апробированных серьезными исследованиями автора в области аграрной истории средневековой Франции¹⁰¹. В частности, он не принял тезис Поршнева об «отнесении в разряд необходимого продукта и издержек воспроизводства крестьянского инвентаря, скота, хозяйственных построек»¹⁰². Любопытно, что промолчал Полянский, начинавший как историк западноевропейского средневековья, но в это время уже работавший на экономическом факультете МГУ и способный оценить работу Поршнева и как экономист¹⁰³. Сколь-нибудь подробно он высказался о ней позднее,

¹⁰¹ *Серовайский Я.Д.* Некоторые вопросы политической экономии феодализма // Ученые записки Казахского университета. 1959. Т. 39. Серия историческая. Вып. 5. С. 120–129.

¹⁰² Там же. С. 123.

¹⁰³ Он ограничился репликой также в малодоступном издании: *Полянский Ф.Я.* Материал к лекции на тему «Феодальный способ производства». М. 1957. С. 41, со ссылкой на статью Поршнева 1953 г.: ввиду преимущественно натурального характера феодальной экономики, затрудняющего бесконечное накопление натурального продукта, «в корне ошибочным являются поиски в истории феодализма закона максимальной ренты».

но и тогда полемизировал лишь с отдельными утверждениями Поршнева, включая то, что было раскритиковано Серовайским¹⁰⁴. Похоже, эта критика была услышана, во всяком случае, большинство медиевистов, в т. ч. Сказкин, использовать понятие «избыточный продукт» в дальнейшем избегали, хотя, как будет показано ниже, рецидивы такого словоупотребления встречались долго.

В центральных периодических изданиях появилось всего две рецензии – Г. Козлова в «Коммунисте»¹⁰⁵ и Ф. Морозова в «Вопросах экономики»¹⁰⁶. Оба рецензента положительно оценили сам факт появления работы о политэкономии феодализма, как и большой объем проделанной автором работы, но, по сути, их отзывы были весьма критическими. Ни тот, ни другой не обладали большими знаниями по истории Средневековья, но, будучи грамотными экономистами, обнаружили в «Очерке» целый ряд теоретических ошибок и нестыковок.

Козлов отметил в книге Поршнева немало пробелов, например, тот факт, что там мало говорится о цехах, что «не дается конкретный анализ движения цен»¹⁰⁷. Он убедительно показал надуманность введенного Поршневым понятия «избыточный продукт» и раскритиковал в пух и прах идею «неполной собственности феодала» на зависимого крестьянина. При этом он упорно делал вид, что не знает, у кого Поршневым заимствовал это понятие, ставя его в глупое положение¹⁰⁸.

Морозов, опять-таки не упоминая Сталина, также высказался против понятия «неполной собственности на работника производства», квалифицировав его как «несостоятельное в научном отношении» и бесполезное при «выяснении существа феодализма»¹⁰⁹. «По нашему мнению, неполная собственность на работника в трактовке автора – это правовое понятие, а не экономическое. Если исходить из экономического содержания собственности, то возникает вопрос: какой собственник

¹⁰⁴ Полянский Ф.Я. Вопросы... С. 134.

¹⁰⁵ Козлов Г. Книга по политической экономии феодализма // Коммунист. 1957. № 9. С. 123–128. Рецензент – автор книги «Первые ступени в развитии товарного производства». М., 1957.

¹⁰⁶ Морозов Ф. Об одном опыте изложения политической экономии феодализма // Вопросы экономики. 1958. № 11. С. 147 – 152.

¹⁰⁷ Козлов Г. Книга по политической экономии... С. 126.

¹⁰⁸ Интересно, что Поршневу, мастерски умевшему играть по правилам, эта весьма резкая критика не помешала в дальнейшем сослаться на данную рецензию в доказательство того, что «Очерк» был, в целом, «положительно оценен общественностью» (Поршнев Б.Ф. Феодализм и народные массы. М., 1964. С. 5). Существенным, в его глазах, был сам факт появления рецензии в «Коммунисте», о чем он не преминул напомнить коллегам.

¹⁰⁹ Морозов Ф. Об одном опыте изложения... С. 151. Этот тезис вызвал возражения киевского экономиста В. Козловского, однако, на мой взгляд, он не привел в пользу своей точки зрения сколько-нибудь убедительных аргументов. Примечательно, что он также не напоминает об истинном авторстве этой идеи; не исключено, что не в последнюю очередь им двигала обида за Автора. См.: Козловский В. О производственных отношениях при феодализме // Вопросы экономики. 1962. № 9. С. 134–138.

стал бы вводить в систему уничтожение собственности вместо того, чтобы найти ей экономическое применение? С другой стороны, если феодал мог беспрепятственно купить или продать или заложить крепостного крестьянина, то почему такая собственность не может считаться полной собственностью? Ведь товаровладелец, продавая свой товар, выступает его полным собственником»¹¹⁰.

Серьезные замечания вызвали у него и некоторые другие положения книги:

«Феодальная рента в его толковании является “реализацией земельной собственности феодалов на землю и неполной их собственности на работника производства” (стр. 54). Поэтому автор старательно избегает понятия “земельная рента”. Здесь опять обнаруживается смешение экономических и правовых отношений».

«Отношения экономического принуждения являются, по нашему мнению, надстроечной категорией и потому не могут служить одной из основ производственных отношений, не могут быть определяющими для производственных отношений».

«Все формы внеэкономического принуждения являются политико-юридическими отношениями и определяются материальными производственными отношениями».

«Поршневу не удалось полностью избежать смешения производственных отношений с политическими и правовыми отношениями»¹¹¹.

При том, что критика Морозова в этом отношении, по моему убеждению, бьет мимо цели (он ругает Поршнева за юридизм, в частности, за характеристику феодальной собственности как условной и иерархической, тогда как, на мой взгляд, тот не только уделил праву недостаточно внимания, но и попросту плохо понимал правовые явления), он все же привлек внимание к ряду откровенно ошибочных суждений Поршнева, не сумев, впрочем, из-за недостаточного знакомства и с правом, и историей, как следует их проанализировать. «Вместо того, – замечает он, – чтобы показать особый способ соединения при феодализме непосредственного производителя со средствами производства (чем характеризуется различие между общественными формациями), автор уводит читателя в сторону, в сферу правовых и политических отношений. Он пишет, например, что надел является условной собственностью крепостного крестьянина (стр. 31) и даже приближается к полной его собственности на землю (стр. 29, 30)»¹¹². Морозов расценил как неправомерную мысль Поршнева о том, что отношения вассалитета между феодалами воспроизводят отношения между феодалом и крестьянином и то, что он считал возможным называть крестьянина вассалом¹¹³.

¹¹⁰ Морозов Ф. Об одном опыте изложения... С. 150.

¹¹¹ Там же. С. 150–152.

¹¹² Там же. С. 149.

¹¹³ Поршнев Б.Ф. Очерк... С. 32.

Еще меньше интереса среди специалистов вызвала книга «Феодализм и народные массы». Постараемся понять причины такой реакции.

Дело наверняка в том, что в ней было очень мало новых мыслей, по сравнению с книгой 1956 г. «Очерк политической экономии» вошел в «Феодализм» практически без изменения. Поршнев добавил некоторый материал по странам Востока, уточнил отдельные формулировки, ответил своим оппонентам (с прежних позиций), но и только. При этом он присвокупил к «Очерку» многие свои более ранние идеи о классовой борьбе, что в 1964 г. уже и вовсе казалось анахронизмом. Мы находим здесь и «закон возрастания роли народных масс в истории»¹¹⁴, и положение о том, что «классовая борьба принадлежит прежде всего экономике», что «ниже ее ничего не лежит»¹¹⁵, и целый ряд пикантных утверждений, например о том, что крестьяне противились «феодальной эксплуатации тем, что напряженным трудом создавали избыток в своем хозяйстве»¹¹⁶, что «раньше всего со всей полнотой феодальная государственная власть развивалась как власть судебная» (думаю, что так он истолковал обстоятельства записи «Салического закона», «Русской правды» и других памятников обычного права; уже один этот факт характеризует степень его знакомства с историей Средневековья)¹¹⁷, что «рождение рабочего класса» было результатом народного сопротивления феодалам»¹¹⁸... Самым интересным, и при этом новым, разделом книги является, на мой взгляд, раздел о «феодальном синтезе», вынесенный им в приложение, где, задолго до Сюзюмова и, тем более, Гутновой и Удальцовой, была сформулирована идея о рождении феодализма из взаимодействия элементов древнегерманского и римского обществ¹¹⁹. В принципе, идея не нова, при желании, истоки ее можно проследить вплоть до историографии XVIII в., но в таком виде она была высказана впервые.

Многим, по-видимому, пришлось не по душе беспрестанное оглядывание автора на Маркса, Энгельса и Ленина. Обилие ссылок на них, действительно, впечатляет. Разумеется, в то время было невозможно опубликовать книгу по истории без обязательных и достаточно многочисленных ссылок на «классиков марксизма-ленинизма»¹²⁰, но ограничиться такой констатацией недостаточно: цитировать классиков можно было по-разному. При некотором навыке чтения текстов той эпохи

¹¹⁴ Поршнев Б.Ф. Феодализм и народные массы. С. 210, 211, 224, 506 и др.

¹¹⁵ Там же. С. 249, 256.

¹¹⁶ Там же. С. 277.

¹¹⁷ Там же. С. 333.

¹¹⁸ Там же. С. 435.

¹¹⁹ Там же. С. 507–518.

¹²⁰ Ситуация стала меняться лишь в 60-е и особенно в 70-е годы, но и тогда это требовало определенной смелости и настойчивости автора. Это видно на примере работ А.Я. Гуревича.

можно научиться распознавать, что эти ссылки и цитаты означают для автора: игру по правилам? стремление выслужиться? искреннее увлечение марксизмом? привычку аргументировать свои мысли именно таким образом? причудливую смесь из всего этого?

Ключом служит не столько частота ссылок, сколько сам их характер, подача, контекст. В опубликованных в 1947 г. «Исследованиях по аграрной истории Англии» Косминского вообще нет ни одной ссылки на Сталина. Рутенбург в 1951 г. обошелся 4 ссылками¹²¹, и сделал это с нескрываемым равнодушием: вам это надо? ну, что с вас взять, извольте... Но это было дано не всем. Некоторые авторы цитировали истово, по делу и без дела, не уставая восторгаться гениальностью цитируемого и словно наслаждаясь самоуничижением... К сожалению, Поршнев был в их числе. До 1955 г. он много и подобострастно цитировал Сталина. В дальнейшем ссылок на Сталина уже почти нет¹²², хотя сталинских идей осталось немало. Нельзя не отметить и его готовность ссылаться не только на «классиков», но и на постановления ЦК КПСС, материалы партийной печати, что после XX съезда уже не было обязательным, во всяком случае, для исследователя удаленных эпох.

Показательно также, что в работах Поршнева по политэкономии практически нет ссылок на источники – в разительном отличии от работ Маркса или Ленина (но не Сталина!), которые использовали тексты самого разного свойства: экономическую статистику, материалы фабричной инспекции, протоколы парламентских дебатов, публицистику... Перед нами «чистая» теория, построенная на цитатах из «классиков» и не обремененная фактами, по сути – идеология, своего рода, марксистская экзегетика. Бросается в глаза также редкость ссылок на работы других авторов, даже отечественных. Есть общие глухие ссылки на Бюхера, Зомбарта, Маурера, Фюстель де Куланжа, других авторов XIX – начала XX вв., на современников же – почти нет: Кучинский, Митрани, Собуль – вот все, что я нашел в «Феодализме». Мы не встретим в его книгах упоминания работ Блока, Броделя, Дюби, Луццатто, Озе, Пиренна, Постана, хотя некоторые их работы были переведены к тому времени на русский язык, да и иностранные языки не представляли для него препятствия. Между тем, обращение хотя бы к «Характерным чертам французской аграрной истории» Блока – книге, опубликованной в СССР в 1957 г., – должно было, по идее, привлечь его внимание к феномену аграрной колонизации и побудить скорректировать свои взгляды на уровень эксплуатации и накопление при феодализме.

¹²¹ Рутенбург В.И. Очерк из истории раннего капитализма в Италии. Флорентийские компании XIV века. М.–Л., 1951. С. 3, 181–183.

¹²² Любопытно, что в «Очерке» Поршнев все же завершает свой анализ феодальной собственности большой цитатой из Сталина о полной собственности феодала на землю и неполной – на работника. См.: Поршнев Б.Ф. Очерк... С. 46. Ср.: Сталин И.В. Вопросы ленинизма. С. 595.

Симптоматично и то, как он отзывался о современных ему зарубежных авторах. Например о Д. Митрани (Mitrany), авторе книги «Marx against the Peasant. A Study of Social Dogmatism» (London, 1952) он пишет так: «кулацкое нутро автора то и дело проступает на страницах его труда»¹²³. Непонятно, зачем так было писать. В это время это уже было не принято, считалось моветоном. Даже кулаков ругать уже особенно не стремились. Как тут не вспомнить Евгения Шварца: «Меня так учили... Всех учили. Но зачем ты оказался первым учеником?».

Единственная профессиональная рецензия, разбирающая текст Поршнева по существу, вышла из под пера его давнего оппонента, П.Н. Галанзы, и эта рецензия была разгромной¹²⁴. Автор выявил в книге Поршнева целый ряд логических нестыковок, а также суждений, противоречащих общеизвестным фактам, – главным образом в том, что касается характеристики народных движений и их влияния на политику и экономику. При этом, очевидно, не считая себя специалистом в области политэкономии, Галанза лишь очень бегло затронул первый раздел книги, отметив, что, несмотря на критику, Поршневу воспроизвел в нем основные положения «Очерка политической экономии феодализма». О книге, в целом, он отзывался так: «Это старое строение только с подновленным фасадом»¹²⁵. Удивительно, что, будучи юристом, Галанза почти не уделил внимания правовым вопросам, затронутым Поршневым, в т. ч. ошибочному употреблению им ряда правовых терминов. Две другие рецензии – А.И. Голоты (в целом, положительная) и П.Я. Любимова (весьма отрицательная)¹²⁶ – были посвящены исключительно проблеме классовой борьбы в истории, которая к тому же рассматривалась без должного знания конкретного исторического материала.

Специалистов по истории Средних веков «Феодализм» Поршнева, похоже, вообще не заинтересовал. С середины 50-х годов его отношения с медиэвистами становятся все более прохладными, а главное – менее тесными. Его последняя статья в «Средних веках» вышла в 1956 г., хотя ранее он печатался там регулярно. Он ищет другие трибуны и уже в 1954 г. публикует статью о классовой борьбе в «Вопросах философии»¹²⁷. Одновременно он все больше поворачивается к Новой истории, свидетельством чему его доклад о Жане Мелье – французском мыслителе, умершем в 1729 г., – прочитанный в 1955 г. на X Междуна-

¹²³ Поршнев Б.Ф. Феодализм и народные массы. С. 488.

¹²⁴ Галанза П.М. Спорные вопросы истории феодального государства // Вестник МГУ. Право. 1968. № 5. С. 23–30. Ср. его текст: Об ошибочных взглядах Б.Ф. Поршнева по вопросу о сущности феодального государства // Там же. 1951. № 9. С. 163–174.

¹²⁵ Галанза П.М. Спорные вопросы... С. 30.

¹²⁶ Голота А.И. Народные массы и исторический процесс // Вопросы философии, 1965. № 5. С. 165–169; Любимов П.Я. К вопросу о роли народных масс в истории // ВИ. 1965. № 9. С. 195–202.

¹²⁷ Поршнев Б.Ф. Возрастание роли народных масс в истории // Вопросы философии, 1954. № 4. С. 14–28.

родном конгрессе историков в Риме¹²⁸. Весьма показательно, что для своего выступления на столь престижном форуме (это была первая, начиная с 20-х годов, международная конференция, в которой приняли участие советские историки) Поршнев выбрал сюжет, связанный с историей Нового времени. Средневековьем он последние 16 лет своей жизни почти не занимался. Исключением является «Феодализм и народные массы» – книга, стоящая в его творчестве этих лет явно особняком.

В 70-е годы, когда я учился на Истфаке МГУ, нам ее не рекомендовали, как и «Очерк», в отличие от «Народных движений» и других его работ по истории XVII в. Читать не отговаривали, а просто не упоминали. Когда же году в 1976 г. я добрался до нее самостоятельно, то нашел в ней мало нового для себя и был разочарован. Вопросы, которые меня больше всего интересовали (прежде всего, что такое феодализм и феодальная собственность) в изложении Поршнева звучали примерно так же, как и в изложении Сказкина, да и других уже знакомых мне мэтров, а эта трактовка меня не удовлетворяла. Размышляя об этом 30 лет спустя, я понимаю, что в чисто историографическом ключе вполне правомерна постановка вопроса об авторстве этих идей. Все-таки Поршнев сформулировал их в печати задолго до Сказкина, пускай подчас менее точно и интеллигентно. Допустимо предположить, что замалчивание политэкономических работ Поршнева, наблюдавшееся в те годы и позднее в среде медиевистов, связано не только с личной неприязнью (говорят, что в какой-то момент Сказкин не подавал ему руки), но и со спорами об историческом первенстве в этом сугубо научном вопросе. Как уже отмечалось выше, в 1953 г., а затем в 1956 г. Поршнев фактически присвоил себе многие общие наработки советских историков, но сделал это так, что официально обвинить его в чем-то было невозможно – ведь он действительно опередил практически всех с постановкой вопроса о главных закономерностях феодализма, во всяком случае, раньше других сумел оформить свои мысли на сей счет в виде монографии. То, что при этом он воспользовался материалами из учебников, всевозможных справочных и методических изданий, отчетов о конференциях и дискуссиях (в т. ч. итоговым материалом по дискуссии об основном законе феодализма, вышедшим в 1955 г. в «Вопросах истории»), не оговаривая авторство той или иной идеи, это уже другой вопрос.

В своих «Очерках по истории западноевропейского крестьянства» Сказкин, возражая Поршневу, выступил против тезиса о том, что «классовая борьба логически предшествует развитию производительных сил и соответствует изменению производственных отношений и в качестве такого логического *prius*'а имеет свои собственные имманентные законы развития, законы, обуславливающие всемирно-историческое развитие в целом... такая точка зрения прямо противоречит взглядам

¹²⁸ Поршнев Б.Ф. Жан Мелье и народные истоки его мировоззрения. М., 1955.

классиков марксизма-ленинизма и нарушает логику и теории классовой борьбы»¹²⁹. При этом, однако, Сказкин не усмотрел почти ничего ошибочного в политэкономических взглядах Поршнева, во всяком случае никак явно не обнаружил свое несогласие с ними¹³⁰. И действительно, сопоставление их взглядов на этот предмет обнаруживает высокую степень сходимости: все тот же сталинский тезис об отношениях собственности как основе производственных отношений, все та же подмена содержательного анализа отношений собственности количественными оценками или характеристикой социальных условий, все те же заблуждения на счет монополии феодалов на землю и на изъятие у крестьян в виде ренты всего прибавочного продукта...

Полянский высказывался о работах Поршнева несколько более критически, но расходился с ним по большей части в оценке товарного производства при феодализме. Так, он не был согласен с мнением Поршнева о том, что «товарное производство в докапиталистических формациях не было ни “зачатком”, ни “зародышем”, ни “тенденцией”, ни “ферментом” капитализма»¹³¹. На его взгляд, Поршнев «смешивает разные формы товарного хозяйства феодальной эпохи»; «в товарном хозяйстве крестьянина-обручника имелись предпосылки для капиталистических тенденций и даже для зародышей капитализма»¹³². В более поздней работе Полянского, написанной, как можно предположить, в противовес Поршневу или хотя бы для корректировки его концепции, Полянский отрицательно отзовется о попытке Поршнева отнести издержки крестьянского хозяйства на счет необходимого продукта крестьянина, как и о его утверждении, что «в феодальном обществе прибавочный продукт почти не тратился на нужды воспроизводства»¹³³. Попутно он станет критиковать Поршнева за то, что из поля его зрения исчезло общинное землевладение, за невнимание к вопросам о многообразии путей генезиса феодализма и многовариантности коммутации ренты, за смешение крестьянского держания с условным феодальным землевладением и, конечно, за преувеличение влияния классовой борьбы на экономику¹³⁴. В целом, экономист Полянский нарисует более историческую картину, чем историк Поршнев. Но сейчас важнее подчеркнуть другое: взгляды Полянского и Поршнева на функционирование феодальной вотчины и экономику феодализма принципиально не различаются, они исходят из одних и тех же теоретических посылок, как

¹²⁹ Сказкин С.Д. Очерки по истории... С. 352.

¹³⁰ Он избегал пользоваться термином «избыточный продукт», но не делал на этом акцента и не вступал по этому поводу с Поршневым в полемику.

¹³¹ Поршнев Б.Ф. Очерк... С. 109.

¹³² Полянский Ф.Я. Товарное производство... С. 309–310. Ту же позицию занял до него Козлов («Книга по политической экономии...». С. 127).

¹³³ Полянский Ф.Я. Вопросы политической экономии феодализма. М., 1980. С. 134 и 129. В «Товарном производстве» эти положения сформулированы менее внятно.

¹³⁴ Там же. С. 123, 125, 126, 131 и др.

правильных, так и надуманных. Полянский оперирует бóльшим, по сравнению с Поршневым, количеством фактов, охотнее анализирует работы предшественников, иногда ссылается и на источники, но в основном они сходятся.

Итак, два наиболее последовательных оппонента Поршнева по политэкономической дискуссии середины 50-х годов, из числа сравнительно немногих, кто был вправе считать себя специалистом по данному вопросу, придерживались, с небольшими поправками той же концепции феодальной экономики, которую к 1956 г. сформулировал Поршнев. Многое в ней, конечно, правильно, но как много и идеологически обусловленных заблуждений!

Отсутствие должной рефлексии по поводу политэкономических работ Поршнева сыграло с советской медиевистикой злую шутку. Во-первых, в книгах Поршнева затронут все же очень широкий круг вопросов, не все из которых нашли отражение в «Очерках» Сказкина. Что ни говори, а это единственное теоретическое изложение проблемы феодализма в целом, предпринятое в советское время. Во-вторых, внимательный разбор книг Поршнева помог бы Сказкину и его сторонникам лучше понять генезис целого ряда идей, разделяемых ими с Поршневым, лучше оценить их адекватность на новом историографическом этапе, с учетом новых представлений и походов, и не только в исторической науке, но и в экономике, праве, философии, других дисциплинах. В-третьих, историкам Средневековья следовало учесть, что за пределами их круга, даже среди историков других специальностей, не говоря уже об экономистах, правоведах и особенно философах (с которыми у Поршнева были особенно тесные отношения) эта книга до сих пор считается едва ли не квинтэссенцией представлений отечественных медиевистов по проблеме феодализма.

При всех его недостатках, «Очерк политэкономии» в момент своего издания в 1956 г. был вполне на уровне тогдашней советской исторической науки. В 1964 г., войдя почти без изменений в «Феодализм и народные массы», он выглядел уже анахронизмом. Странно, что Поршнев этого не понимал. Или понимал и сознательно пошел на это? Известно, что с этой книгой он связывал планы стать доктором философских наук (что ему и удалось в 1966 г.), а затем пробиться в Академию. Нельзя исключать, что он решил представить к защите заведомо кондовый текст в расчете на то, что, в целом, идеологически более консервативное философское сообщество, где тон задавали специалисты по диамату и истмату, более благосклонно отнесется к варягу. Другое возможное объяснение состоит в том, что в эти годы Поршнев планировал издание сразу трех весьма неортодоксальных книг – по социальной психологии, международным отношениям XVII в. и, наконец, по проблеме возникновения человечества – и что более, чем традиционная, идеологически выдержанная работа по феодализму была

призвана стать своего рода дымовой завесой, облегчающей, как он мог надеяться, издание его будущих работ. К такому приему он как будто прибег чуть позже, готовя к печати свою «Социальную психологию»¹³⁵. Содержание вошедших в нее глав («Мы и они», «Общность и индивид», «Социальная психология и генетическая психология...») было по тем временам достаточно революционным – исключая первую главу, оттолкнувшую от него Гуревича и, наверное, не его одного¹³⁶; глава называлась «Ленинская наука революции и социальная психология» и, хотя и содержала вполне адекватный для его темы материал, но воспринималась, конечно, как инородное тело.

С принятием этой гипотезы Поршневу предстал бы перед нами как расчетливый циник, но, по крайней мере, не как ретроград и верхогляд. Думаю, что доля истины в ней есть, однако действительность была наверняка сложнее: политэкономия феодализма, возможно, и не являлась его любимым детищем, но, безусловно, не была и опостылевшей падчерицей. К этим сюжетам он возвращался снова и снова, правда, все больше, с точки зрения теории исторического процесса, и за несколько месяцев до смерти, летом 1972 г., подал в издательство «Мысль» заявку на издание книги под названием «Докапиталистические способы производства (основные экономические и социологические категории)»¹³⁷. Его представления по этому вопросу, разумеется, не стояли на месте, но ядро их до конца его жизни составляли идеи, изложенные в книгах 1956 и 1964 гг. Честолюбия ему было не занимать, он хотел быть первым сразу в нескольких сферах знания. Но в сутках было всего 24 часа, и, как часто бывает в таких случаях, возникал соблазн опереться на свои старые разработки, такие понятные, такие близкие сердцу...

Странная судьба ждала творческое наследие Поршнева.

За рубежом, благодаря переводам на немецкий (1954), а затем и французский язык (1963), лучше всего известна его первая книга – о народных восстаниях перед Фрондой. Интерес к ней во Франции и на Западе, в целом, был обусловлен двумя обстоятельствами: использованием в ней неопубликованных материалов из ленинградских архивов (в то время недоступных иностранным исследователям) и обращением к теме, почти не разрабатывавшейся в западной историографии. Апология классовая борьбы как главного локомотива истории была для большинства западных ученых неприемлемой, но само привлечение внимания к проблеме народных движений они не могли не оценить. В

¹³⁵ Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М., 1966.

¹³⁶ См.: Гуревич А.Я. История историка. М., 2004. С. 27.

¹³⁷ Издательство, планировавшее в тот момент издание другой его книги – «О начале человеческой истории» – ответило отказом, предложив отложить рассмотрение вопроса до выхода в свет уже представленной книги. Вводная глава была напечатана под названием «Роль социальных революций в смене формаций» в сб. «Проблемы социально-экономических формаций: историко-типологические исследования». М., 1975.

СССР, напротив, книга Поршнева была принята историками сдержанно даже в момент ее выхода в свет – не столько из-за многочисленных передержек, сразу же вошедших в профессиональный фольклор, сколько в силу банальности и темы, и методологического подхода; и то, и другое уже успело набить советским историкам оскомину. В дальнейшем в «Народных восстаниях» видели лишь объемный материал по конкретным событиям, имевшим место во Франции во второй четверти XVII в. Но, по крайней мере, книга не канула в лету.

Гораздо больший интерес вызвали в СССР работы Поршнева по истории Тридцатилетней войны и международным отношениям середины XVII в. Не закрывая глаза на их недостатки, современные исследователи оценивают их достаточно высоко и считают до сих пор полезными. В 70-е годы они и вовсе воспринимались как новаторские и смелые. Достаточно вспомнить, сколько шуму наделал его вопрос: «возможна ли история отдельно взятой страны?». Увы, эти работы, как и почти все опубликованное в СССР, но не переведенное на другие «нормальные» языки, на Западе остались практически неизвестными. Впрочем, неясно, как бы они были там восприняты, если бы переводы состоялись; не исключено, что для западных историков они бы не прозвучали как откровение.

Возможно, самый большой резонанс в СССР имела его книга по социальной психологии (1966). Гуревич мог относиться к ней скептически, но следует признать, что она увидела свет за шесть лет до «Категорий средневековой культуры», на три-четыре года раньше его первых публикаций, написанных в этом ключе, и, в конце концов, Гуревич сам посещал одно время семинар Поршнева по исторической психологии. Я хорошо помню, какое впечатление она произвела на меня, когда я прочитал ее в 1972 г., едва прийдя в университет. Знаю, что и для многих других моих сверстников она стала определенной вехой. На Западе эта книга доступна, благодаря вышедшим в издательстве «Прогресс» переводам на английский и итальянский языки¹³⁸, однако там она не вызвала такого интереса: самое большее, ее восприняли как еще одну толковую книгу на модную тему.

О.Т. Вите считает самой важной книгой Поршнева «О начале человеческой истории», изданную посмертно в 1974 г. По его мнению, эта тема, вообще, была центральной в творчестве Поршнева. Вероятно, он прав, но должен признаться, что не могу оценить эту работу по достоинству. Возможно, ее время еще не пришло, но сегодня она не оказывает большого воздействия на работу профессиональных историков. На Западе знали об исследованиях Поршнева в этой области, некоторые его статьи были переведены. Насколько, я могу понять, к ним относились со смешанным чувством интереса и иронии; достаточно

¹³⁸ Porchnev B.F. *Social Psychology and History*. M., 1970; *Idem*. *La psicologia sociale e la storia*. M., 1978.

вспомнить слова Э. Леруа Лядюри о советском историке, которого больше всего интересовали две вещи: снежный человек «йети» и французские крестьяне XVII в.

Наиболее странной оказалась судьба работ Поршнева по политической экономии феодализма. Как уже говорилось, исключая его статью об «основном экономическом законе», большинством специалистов они были демонстративно проигнорированы. Их упоминали в основном *pro forma* или не упоминали вовсе. Редкие ссылки на них касались почти всегда взглядов Поршнева на классовую борьбу, которые продолжали критиковать и после его смерти¹³⁹. Парадоксальным образом, его взгляды на политэкономии феодализма особой критике не подвергались (разве что Полянским, и то умеренно,) и за пределами сообщества историков воспринимались часто как последнее или, по крайней мере, самое важное слово в исторической науке¹⁴⁰. Этому немало содействовал тот факт, что в 1956 г. Поршневу удалось удалить из «Очерка» почти все ссылки на Сталина, как и некоторые наиболее одиозные формулировки. В результате книга была воспринята многими как образец марксизма эпохи XX съезда КПСС. Только полным непониманием того, как мало общего имел «Очерк» с размышлениями советских историков о феодализме после 1956 г., можно объяснить тот малоизвестный факт, что в 1979 г. он был переведен в издательстве «Прогресс» на французский язык¹⁴¹. И снова парадокс: согласно доступным сведениям, это издание не попало ни в одну французскую библиотеку, и никто из французских коллег, которых я расспрашивал, не подозревают о его существовании! Возможно, это и к лучшему: введение подобной книги в научный оборот на Западе привело бы к дискредитации нашей историографии и просто к недоумению.

Что же касается изучения проблем феодализма в нашей стране, влияние Поршнева было ощутимым. Конечно, такие историки, как Бессмертный и Гуревич анализировали эти проблемы в совершенно другом ключе и с конца 60-х годов вряд ли вообще вспоминали, что писал на эту тему Поршневу. Но большинство, я подозреваю, в т. ч. и те, кто разошелся с ним в вопросе о классовой борьбе, похоже, исходили из того, что его политэкономические идеи, в целом, правильные приняты в профессиональном цехе безотносительно их авторства, и, возможно, не отдавая себе в этом отчет, оперировали ими до конца советской эпохи и даже позднее.

¹³⁹ См., например: *Сказкин С.Д.* Очерки...С. 352; *Гутнова Е.В.* Классовая борьба и общественное сознание крестьянства в средневековой Западной Европе (XI–XV вв.). М., 1984. С. 11.

¹⁴⁰ Примером могут служить отзывы Р.М. Нуреева – самого серьезного среди наших экономистов знатока докапиталистических обществ. См.: *Нуреев Р.М.* Экономический строй докапиталистических формаций. Душанбе, 1989. С. 32, 142, 221. Автор – профессор экономического факультета МГУ и ВЭШ.

¹⁴¹ *Porchnev B.F.* Essai d'économie politique du féodalisme. М., 1979.

Приведу несколько примеров.

Многие исследователи, как историки, так и, тем более, экономисты, продолжали придерживаться представления о поглощении рентой всего прибавочного продукта. В последние годы советской эпохи оно было вывернуто наизнанку и доведено до абсурда. Так, согласно Ю.М. Рачинскому, «то, что в виде оброка крестьянин отдает помещику-феодалу, и есть прибавочный продукт; та часть продукта, которая остается в хозяйстве крестьянина, составляет необходимый продукт»¹⁴².

Продолжали говорить и о «монополии феодалов на землю». Примером может служить один из текстов Гутнковой, написанных для «Истории Европы». В другом разделе этого издания она мимоходом употребила и, безусловно, поршневок понятие «избыточный продукт»¹⁴³, давно раскритикованное экономистами.

И даже в наши дни уважаемые люди пишут как о чем-то общеизвестном и само собой разумеющемся об отношениях собственности как основе производственных отношений¹⁴⁴, о неполной собственности феодала на зависимого крестьянина¹⁴⁵, употребляют другие идеологемы того же ряда, унаследованные от сталинской эпохи. Употребляют по привычке, не вникая в их суть. Разумеется, в основном это касается Работ, вышедших из-под пера пожилых людей; молодые берутся обычно за другие сюжеты. Но не интересоваться социально-экономической историей совсем не то же самое, что разобраться в ее проблемах и выбрать для себя новую тему. Поэтому всякий раз, когда возникает необходимость сформулировать общие положения о средневековом обществе, что, по крайней мере, в преподавании неизбежно, на свет извлекаются старые книги Поршнева или тех, кто на них вырос, и призраки оживают вновь. Хотел бы надеяться, что моя статья поможет убедить коллег в необходимости регулярного переосмысления понятийного аппарата и логических конструкций, которыми мы пользуемся, впрочем, и в опасных для науки последствиях ухода от профессионального изучения глобальных проблем истории.

¹⁴² Рачинский Ю.М. Докапиталистические способы производства и их современные формы. М., 1986. С. 129. Автор был в то время профессором экономического факультета МГУ.

¹⁴³ История Европы. М., 1992. Т. 2. С. 285, 479.

¹⁴⁴ См., например: Ливанцев К.Е. История средневекового государства и права. СПб., 2000. С. 4. Автор – профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Санкт-Петербургского университета.

¹⁴⁵ См., например: Тимошина Т.М. Экономическая история России. Учебное пособие для вузов по экономическим специальностям. 12-е изд. М., 2007. С. 17: «Известно, что основой феодального землевладения является полная собственность феодала на земельные угодья и неполная – на зависимого (закрепощенного) крестьянина». Автор – профессор кафедры экономической теории МГИМО.